

**СДЕЛАНО
В СССР**

**ЛЮБИМЫЙ
ДЕТЕКТИВ**

ЭТЮД СО СМЕРТЕЛЬНЫМ ИСХОДОМ

Никита Филатов

ГОРОД-ГЕРОЙ ЛЕНИНГРАД
ОКТЕБРЬСКИЙ РАЙОН

Сделано в СССР. Любимый детектив

Никита Филатов

**Этюд со смертельным
исходом (сборник)**

«ВЕЧЕ»

2016

Филатов Н. А.

Этюд со смертельным исходом (сборник) / Н. А. Филатов —
«ВЕЧЕ», 2016 — (Сделано в СССР. Любимый детектив)

ISBN 978-5-4484-7952-6

В книгу детективной прозы популярного петербургского автора Никиты Александровича Филатова (1961 г. р.) вошли его остросюжетные повести «Этюд со смертельным исходом», «Десять дней в неделю», «Ловушка для умных» и «Переходный период», объединенные одним главным героем – капитаном милиции Виноградовым, который оказывается в самом центре смертельно опасного противостояния государства и организованной преступности, вырастающей на развалинах бывшего СССР.

ISBN 978-5-4484-7952-6

© Филатов Н. А., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Этюд со смертельным исходом	6
1	6
2	16
Десять дней в неделю	25
1	25
2	30
3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Никита Александрович Филатов

Этюд со смертельным исходом

© Филатов Н.А., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Этюд со смертельным исходом

Я не представитель закона, но насколько позволяют мне мои ничтожные способности, я представляю справедливость.

Сэр Артур Конан Дойл.

Три фронта

1

Симпатичная девушка-почтальон привычным движением пристроила на плече впечатляющих размеров кожаную сумку с заказной корреспонденцией.

– До свидания, мальчики! Не скучайте, – уже с улицы улыбнулась она.

– Не скучайте... – запирая за гостьей входную дверь, проворчал Олег Шахтин. С методичностью кадрового службиста он дважды шелкнул никелированным импортным замком, подержал для верности ручку и, вернувшись в холл, опустился в потертый велюр уютного кресла.

Случалось, Виноградова раздражало хроническое недовольство окружающим миром, постоянно сквозившее в словах и поступках напарника. Однако на сей раз он счел уместным поддержать:

– Лучшая смена – скучная смена!

Оба – и в свои тридцать с небольшим уже изрядно отходивший капитаном Владимир Александрович Виноградов, и считающий месяцы до пенсии лейтенант Шахтин – безоговорочно верили в справедливость этой старинной милицмейской присказки.

– Ладно... Немного осталось.

– Сколько там?

– Начало восьмого. – Виноградов посмотрел на часы. – Если точно, то шесть минут.

– Годится...

Владимир Александрович подошел к огромному, в полстены окну, отодвинул краешек шторы. На улице мело – озверевший западный ветер то начисто вылизывал черный асфальт старинной улочки, ровесницы города, то вновь засыпал его слоистыми барханами колючего снега. В белых клубах метели расплывчато желтели измученные фонари. Прохожих можно было пересчитать по пальцам.

– Холодно... Как домой-то потащимся?

– Доберемся! – рассеянно бросил Шахтин.

Виноградов представил себе предстоящий путь до метро, поежился и оглядел ставший за последние месяцы привычным интерьер. Помещение, в котором они находились, представляло собой, собственно, парадный вестибюль старинной постройки доходного дома. С прошлой осени, расселив жильцов, в здании оборудовала свой офис крупная коммерческая фирма, в названии которой длинно чередовались малопонятные иностранные слова с совсем уж непонятными отечественными сокращениями. Бывшие коммуналки на глазах преобразились соответственно вкусам и кошелькам новых владельцев, обросли факсами и компьютерами. Холл отделали светлым деревом, уютно обставили, подключили телевизор... И для сбережения всего этого богатства – а больше, по совести, для купеческого престижа – заключили договор с милицмейским подразделением.

У входа теперь за вполне приличную денежку круглосуточно протирали форменные штаны по два офицера: береты, оружие, рация – все честь по чести. Проведя в свое нерабочее время пару суток и несколько ночей вне дома, сотрудник милиции зарабатывал сумму, вполне сопоставимую с месячным должностным окладом и всеми надбавками в придачу.

Сегодняшнее дежурство выпало Виноградову и Шахтину. Скоротать оставалось чуть меньше часа...

– Дочитать успеешь?..

– Да вроде... – лейтенант с сомнением прикрыл солидный том Агаты Кристи. – Страниц сорок...

– Не торопись. Завтра на работе отдашь... Как тебе?

– Нормально! Поначалу-то тягомотно, а в конце... – Шахтин, сунув между листов обложки карандаша, отложил книгу и с хрустом потянулся.

– Вот тебе бы так же научиться, Саныч! Описал бы всю нашу жизнь хреновую... Да я и сам – будь время – такие бы детективы загнул! Не то что...

Виноградов поскущел – подобные рассуждения ему приходилось выслушивать не впервые от людей разных по уровню образования, возрасту, служебному положению. Создавалось впечатление, что все поголовно умеют делать две вещи – лечить насморк и писать детективы. Не чуждый литературного зуду, он и сам не раз мечтал сочинить что-нибудь этакое – такой, знаете ли, классический детектив в чистом виде, камерный, неторопливый, где все было бы построено на психологических нюансах, прихотливой интриге и безупречно вежливом интеллектуальном поединке с преступником. Окружающая же реальность, к сожалению, давала пищу в лучшем случае для «закрученных» боевиков в стиле Хэммета или Незнанского.

– Надо, наверное, почту отдать? – Владимир Александрович, прекращая разговор, кивнул на несколько конвертов и бандероль, только что полученные Шахтиным.

– Я отнесу... Все равно «отлить» собирался, – лейтенант придвинул к себе корреспонденцию.

– А там есть кто? – Виноградов имел в виду расположенный на втором этаже главный офис фирмы. – Вроде – уходили?

– Да нет... «Барин» здесь, на трудовом посту – очередной миллион кует. Жена его с обеда ошивается...

– Это такая – в очках и шубе?

– Ну!

– Классная баба! Но по мне так Машка лучше, – капитан имел в виду секретаршу президента, бойкую маленькую брюнетку с огромными глазами и миниатюрным поджарым задиком.

– А еще лучше – и то, и это! – понимающе хохотнул Шахтин, направляясь в сторону выхода на лестницу. Он протянул руку к защелке, но за мгновение до этого массивная дубовая дверь распахнулась, задев отпрянувшего лейтенанта.

– Товарищи офицеры! Внимание!

В открывшемся проеме стоял внушительных габаритов мужчина. Серый костюм, темно-синий галстук – неистребимый стиль одежды недавнего государственного служащего. Жесткие складки у рта, белая змейка шрама, уходящего под седоватый ежик волос...

– Никого не выпускать из здания. Задерживать всех, сразу же сообщать по интеркому... – он ткнул пальцем в стоявший на столе аппарат, – ...в приемную президента. Задача ясна?

– Ясна, товарищ подполковник, – потирая ушибленную руку, кивнул Шахтин. – А что случилось?

Мужчина хмыкнул. Строго говоря, вот уже почти полтора года прошло с того дня, когда, сняв милицейские погоны, он сменил звание и должность начальника РУВД на кресло руководителя отдела безопасности фирмы. Это было не менее престижно, оплачивалось не в пример лучше – но обращение по званию по-прежнему грело сердце.

– Что случилось? Хреново случилось! – доверительно, как с бывшими коллегами, поделился он. – У жены шефа пропала валюта. Вот только что была – и нету! Чужих – никого, только свои... Так! Один останется здесь, второй – со мной. Поприсутствуешь на всякий пожарный.

– Не-е! Я лучше у входа посторожу, вон капитан пусть идет, – годы службы выработали у Шахтина стойкое нежелание впутываться в какие-либо истории. Он мужественно отодвинул на второй план даже насущные физиологические потребности.

– Как хотите, лейтенант... Идем?

– Нет проблем, Валентин Сергеевич!

Через секунду Виноградов уже поднимался вслед за спутником по темной узкой лестнице.

...Атмосфера в шикарном офисе была душной – как в прямом, так и в переносном смысле. Не спасал даже мирно гудящий кондиционер – напряжение ощущалось почти физически.

В глубоком кресле у окна курил «сам» – президент фирмы Цадкин Андрей Леонидович, усатый крепыш с намечающимся брюшком. Через подлокотник был перекинут плащ, рядом на полу пристроился кейс с наборным замком. Напротив него, пользуясь той же пепельницей, нервно дымила «Салемом» супруга. Если бы Виноградова попросили охарактеризовать ее одним словом, он, не задумываясь, ответил бы – «дама». Уже не «товарищ» и не «гражданка», она еще все-таки не дотягивала до «госпожи» – то ли золота чуть больше, чем надо, то ли юбка слишком коротка... «Породы» в ней не чувствовалось.

На звук открываемой двери из-за белого кубика компьютера высунулась испуганная физиономия секретарши – Владимир Александрович приветливо кивнул ей, после чего дитя юркнуло обратно в свою огороженную дисплеями и стеллажами норку.

На стуле под вешалкой примостился четвертый член семейно-трудового коллектива – плохо выбритый парень в свитере, под которым угадывалась впечатляющая мускулатура. Называли его все без исключения – Бублик. Бублик был племянником Цадкина и выполнял при нем обязанности телохранителя и шофера.

– О-о! Моя милиция...

– Помолчи! – осадил родственника президент.

– Валентин Сергеевич, а без посторонних обойтись никак?

Мадам Цадкина брезгливо поморщилась.

– Ну – капитан нам не посторонний, он здесь на входе дежурит... Мы ему деньги платим!

Виноградов не сразу понял, что бывший подполковник сказал это не из желания унижить – он таким образом обрисовал присутствующим и самому милицейскому офицеру его статус в данный конкретный момент. Чувство тем не менее было препротивное.

– А вам мы что – не платим? – характер у «первой леди» был не сахар.

– Ли-ида! – попытался успокоить супругу Андрей Леонидович. Та в ответ фыркнула и демонстративно отодвинулась:

– Делайте, что хотите.

Виноградов с удивлением заметил, что недавний подполковник переживает барские капризы взбалмошной бабы значительно болезненнее, чем можно было ожидать. Однако он быстро справился с собой:

– Как вас зовут?

– Владимир Александрович.

– Так вот, Володя... – В таком обращении Виноградов почувствовал не фамильярность, а доверительность. Валентин Сергеевич добился того, на что, очевидно, рассчитывал, среди нанимателей и слуг капитан осознал себя коллегой и единомышленником выдавшего виды сыщика. Каково ж ему в этом гадюшнике!

– Так вот... Официальных заявлений никто подавать не собирается, но случай крайне неприятный. Я полагаюсь на вашу, Володя, деликатность. Хорошо?

– Хорошо.

– Сегодня к Андрею Леонидовичу приехала супруга. Привезла... некоторую сумму в валюте – весьма значительную сумму.

Мадам Цадкина презрительно хмыкнула:

– Значительную!

– Может быть, для кого-то тысяча баксов – так себе, но тем не менее! Я их, между прочим, на дороге не нашел! – судя по всему, супруга вывела из себя даже уравновешенного президента. – Сиди – молчи!

– Деньги лежали в сумочке, сумочка – в приемной, – продолжал Валентин Сергеевич. – В семь часов конверт еще был на месте – Лидия Феликсовна видела его, доставая сигареты. А в восемь, когда все собрались уходить, валюта пропала.

– С полседьмого в здании никого посторонних не было, это точно, – уверенно сказал Виноградов. – Только – вот... четверо.

– Пятеро. – С улыбкой поправил его Валентин Сергеевич, показав на себя. – Поэтому я вас и позвал – сам в числе подозреваемых...

– Да бросьте... кокетничать! – отмахнулся Цадкин.

– Ладно, продолжаю. Теоретически украсть мог каждый из нас – мы постоянно ходили из приемной к президенту, в мой кабинет... – начальник отдела безопасности показал на две противоположные двери, покрытые белым пластиком. – Никто ж друг за другом специально не следил!

– Зато потом не расставались... – как бы про себя буркнул Бублик.

– Естественно! – с неприязнью посмотрел на водителя Валентин Сергеевич.

– В сортир, пардон, не выйти! – встряла мадам.

– Да, туалетом, как выяснилось, никто не пользовался, – опережая вопрос коллеги, пояснил Владимиру Александровичу бывший подполковник. – Вообще за эту дверь никто не выходил. Окна на зиму заклеены, даже форточки...

– Значит, как я понял, валюта не могла покинуть пределы этого блока? – Виноградов имел в виду приемную и оба замкнутых на нее кабинета.

– Да, – хмуро придавил в пепельнице окурок Цадкин.

– Мы уже осмотрели помещения. Все вместе – и достаточно тщательно...

Капитан понимающе кивнул. Он не сомневался – если «шмоном» руководил профессионал уровня и опыта Валентина Сергеевича, перепроверять не имело смысла. Прощупана каждая щель, пролистаны папки, вытряхнуты урны – словом, как положено.

– ...Результат, как вы догадываетесь, отрицательный. Остались только – досмотр личных вещей и... личный.

– И для этого вам понадобился милиционер? – Виноградов обвел взглядом присутствующих.

Цадкин изо всех сил старался выглядеть независимо и отстраненно, но это у него получалось плохо. Его супруга с нескрываемой ненавистью разглядывала Валентина Сергеевича, секретарша совсем затихла в своем углу, а Бублик вдруг расплылся в похабной улыбке:

– А можно я Машку обыскивать буду? Гы-ы... А потом она меня?

– Идиот! – еле сдерживаясь, процедил подполковник.

– А чего-о? Сам-то...

– Заткнитесь все! – неожиданно властно рявкнул президент. – Прошу прощения... Володя, нам не милиционер нужен. Нам нужен человек – объективный, незаинтересованный... Сформулирую так – представляющий закон, но не его букву, а дух!

– Короче! Нужно, чтобы ты все сделал как положено, но без оформления и нигде об этом не трепал. Понял? – Цадкин прошелся по кабинету, и Виноградов почувствовал в нем жесткого руководителя одной из крупнейших коммерческих структур региона.

– Допустим.

– Эта ситуация договором не предусмотрена. Поэтому она будет оплачена дополнительно, – вставил Валентин Сергеевич. – Годится?

– Да в общем... возражений нет.

Недавний коллега вынул из кармана пиджака две лиловые купюры, приготовленные, очевидно, заранее.

– Вот... десять.

Владимир Александрович нарочито небрежным жестом сунул деньги в карман – он все никак не мог приучить себя продаваться с независимым видом:

– С кого начнем?

– Командуйте! – отстраняющимся жестом переложил с себя ответственность Валентин Сергеевич.

– Та-ак... – Виноградов уже просчитывал тактику и стратегию предстоящего мероприятия. – Та-ак... прошу всех взять свои личные – не досматривавшиеся вещи. Включая одежду. Валентин Сергеевич! Проконтролируйте...

– Понял! – начальник отдела безопасности улыбнулся уголками губ и щелкнул каблучками. – Мой «дипломат» и пальто – вот.

– А мое все – в машине. Так что... – Бублик несколько раз хлопнул себя руками по груди и животу, показывая, что досматривать нужно только его самого.

– Вам легче. Андрей Леонидович?

Цадкин молча кивнул на перекинутый через подлокотник плащ и приткнутый рядом кейс.

– Дамы?

Лидия Феликсовна, не вставая, распахнула шикарную шубу и вульгарным движением вытолкнула на всеобщее обозрение полуобнажившийся бюст:

– На! Ищи!

– Сумочка? – подобным образом вывести Виноградова из себя было непросто, выручал богатый опыт общения с проститутками.

– Да здесь, начальник, здесь! – у мадам Цадкиной, судя по всему, в прошлом тоже были встречи с милицией.

Капитан перевел взгляд на чернявенькую Машу, уже доставшую из недр секретарского стола модный дамский саквояжик. Ее замшевое пальто висело на вешалке в углу приемной.

– Хорошо... Работать будем в кабинете Валентина Сергеевича. Сначала попрошу его самого... вас, – Виноградов показал на Бублика.

Цадкин недоуменно вскинул брови, но промолчал. Казалось, он был несколько обижен тем, что процедуре досмотра подвергнется не первым. Владимир Александрович усмехнулся: неисповедимы пути амбиций человеческих!

– Прошу, – указал начальник отдела безопасности на удобное кресло черной кожи, когда за ними закрылась дверь кабинета. – С кого начнем?

– С меня! – неожиданно твердо произнес водитель.

Он повернулся спиной, широко расставил ноги и вытянутыми руками уперся в стену, слегка задев симпатичную акварель в застекленной раме.

– Давай!

Виноградов быстро и тщательно обыскал его: ключи, зажигалка, бумажник с документами на машину и водительским удостоверением, тысяч пять денег...

– Прошу прощения.

– Пошел ты...

– Бу-ублик! – укоризненно произнес Валентин Сергеевич. – Ведешь себя, как урка... Нехорошо!

– А что – не судимый? – с сомнением спросил капитан. Судя по поведению водителя, он был убежден в обратном.

– Слышь, мент! Я два года во внутренних войсках, в зоне чрезвычайного положения... Понял?

– Это точно, – подтвердил начальник отдела безопасности. – Теперь я?

– Обязательно! – рассовывая по карманам имущество, подтвердил Бублик.

Виноградов уже ощупывал карманы и складки принадлежащего Валентину Сергеевичу пальто. Ничего. Вообще ничего – как из химчистки. В «дипломате» – последний номер «Невы», набор ручек, калькулятор, фирменный кожаный блокнот.

– А где..? – любопытство на физиономии водителя сменилось удивлением. Он оторвался от изучения внутренностей раскрытого перед Виноградовым «дипломата» и повернулся к хозяину кабинета. – Всегда ж были?

– Израсходовал! – нервно осадил Бублика Валентин Сергеевич.

– О чем речь? – поинтересовался капитан.

– Так... личное, – свирепо глядя на водителя, процедил начальник отдела безопасности. Виноградову показалось, что он не на шутку смущен и даже несколько покраснел.

– Интимное! – наслаждаясь замешательством Валентина Сергеевича, подтвердил Бублик.

Виноградов пожал плечами:

– И все-таки?

– Капитан! Это не имеет к пропавшей валюте никакого отношения, – голос бывшего подполковника вновь звучал уверенно.

– Это точно, – с сожалением подтвердил водитель. Видно было, что он не лжет.

– Продолжайте! – скомандовал Валентин Сергеевич, откидывая полы пиджака...

Личный досмотр – пожалуй, даже обыск – начальника отдела безопасности Виноградов провел очень тщательно, демонстрируя Валентину Сергеевичу, Бублику и самому себе безупречную объективность. Результат был конечно же нулевой.

– Спасибо. Извините... можно одеваться.

– Кого позвать? Шефа? – потянулся к двери водитель.

– Сядьте на место! Валентин Сергеевич...

– Да?

– Будьте добры... Пришлите сюда Цадкина. А сами побудьте с дамами, присмотрите – ну, не мне вам объяснять... Хорошо?

– Хорошо, Володя... Только вы с Андреем Леонидовичем... поделикатнее, а? Это я, профессионал, понимаю, что к чему...

– Не волнуйтесь!

Оставшись наедине с Бубликом, Виноградов мгновенно повернулся к нему и, похабно ослабившись, подмигнул водителю:

– Че у него было-то там? Труссы бабские?

– Почти... – Как уже понял Владимир Александрович, племянник босса терпеть не мог отставного подполковника и рад был воспользоваться поводом для того, чтобы вылить на него добрый ушат помоев.

– «Джентльменский набор» – гебитан, кислота борная, пара пачек этих... «врагов детей».

– Он что – такой крутой?

– Да нет... Скорей для форсу – перед мужиками понты кинуть, дескать, без этого – ни на шаг! А сам... тьфу, старпер!

– Это не про меня, надеюсь?

На пороге стоял президент фирмы.

– Нет, Андрей Леонидович, что вы! Присаживайтесь...

– Может быть...э-э... начнем сразу? – коммерсант пытался держаться с достоинством. –
Время дорого.

– Ради бога! «Дипломатик» ваш... и плащик, пожалуйста!..

Процедура заняла не больше трех минут и проходила в полной тишине.

– Благодарю вас! Извините... Не своей, как говорится, волей...

– Да уж... Если б не Валентин Сергеевич!

– Это что – все он предложил?

– Предложил! Настоял, молодой человек! Мне на эти баксы, в сущности, плевать, не сумма. Но вас, ментов, разве убедишь? Вбил себе в голову – любой ценой вора найти, Пинкертон гребаный!

– Молодой человек, – обратился Виноградов к Бублику. – Сходите там, предупредите, чтоб подождали!

– Пожа-алуйста! – протянул водитель и вышел, прикрыв за собой дверь.

Почти сразу же замок щелкнул, и в проеме показалось озабоченное лицо начальника отдела безопасности:

– Все в порядке?

– Нормально... Я вызову... Еще что-то хотели спросить, молодой человек?

– Да, собственно... как обнаружилась пропажа?

– Не знаю. Я у себя был, супруга в приемную вышла. За сумочкой – мы домой собирались... а меня уж потом позвали.

– Хорошо. Я приглашу сюда женщин?

– Мне выйти?

– Нет, побудьте... Вы понимаете, что существует вероятность того, что деньги... как бы это сказать... что деньги – у Лидии Феликсовны?

– Ну и хрен с ней, – спокойно ответил Цадкин, – надоела. Будет повод – выгоню, сучку... Или морду набью.

Владимир Александрович встал и пошел за дамами...

– Итак, милые женщины, – начал Виноградов, когда мадам Цадкина и Маша устроились поудобнее, – возможны два варианта развития событий. Первый – вы обыскиваете друг друга в присутствии господина Цадкина. Это процедура омерзительная, после нее вы не сможете смотреть друг другу в глаза... Мн-да... Кроме того, существует определенная проблема относительно Маши, ведь в отличие от Лидии Фе...

– Тоже мне, проблема! – хохотнула супруга. – Что он – Машку голую не видел, что ли? Еще неизвестно, кого из нас чаще...

Секретарша вскинулась было, но промолчала.

– Есть и второй вариант – разойтись по-хорошему. Вас трое – дело, как я понял, семейное...

– К черту! – не выдержала молчавшая до этого секретарша. – Я не брала – пусть обыскивает!

Она с маху кинула на широкий полированный стол свое замшевое пальто и сумочку-саквояж. Затем начала, обрывая петли, расстегивать пуговицы на платье.

– Ма-аша! – простонал Цадкин.

– Плевать! – миниатюрная фигурка ее вдруг обмякла и затряслась в истерическом плаче.

– Ты че, девка? – видно было, что супруга президента не на шутку опешила. – Ты чего?

– Все. Хватит. – Виноградов посмотрел на Цадкина. – Или желаете продолжения?

– Вы правы. Закончим.

– Надо бы хоть сумочки осмотреть... для порядка, – голос невесты как очутившегося на пороге кабинета Валентина Сергеевича звучал корректно, но твердо.

«Вот это – профессионал, до мозга костей, – с завистью подумал Виноградов. – Этому не научишься, это – дар Божий...»

– Разумеется, – стараясь подражать старшему коллеге, он повернулся к Цадкину. – Андрей Леонидович?

– Сами, сами... – брезгливо отстранился президент.

Владимир Александрович вытянул из нервно сжатых рук Лидии Феликсовны сумочку. Открыл. Перебрал содержимое. Вернул обратно.

– Прошу!.. Разрешите?

Он придвинул к себе стоящий на столе саквояж. Щелкнул простеньким замком. Выложил довольно большой бумажный рулон – пачку туго свернутых и перетянутых аптечной резинкой листов. Вслед за ним – теплые зимние рейтузы... В саквояже почти ничего не осталось – разная женская мелочь, записная книжка, сигареты. Долларов не было.

– Чисто! – объявил он с облегчением.

– Да? – сказал, ни к кому не обращаясь и, кажется, не слыша капитана, Валентин Сергеевич. – Может быть...

Только сейчас Виноградов заметил, что внимание всех присутствующих сосредоточено на обнаруженных у секретарши бумагах.

– Может быть... – повторил начальник отдела безопасности, тяжело переглянувшись со своим боссом.

Цадкин протянул руку и взял уже освобожденные от резинки бумаги. Веером пролистнул их. Посмотрел на зареванную девицу:

– Ну?

Секретарша молча мотала головой.

– Я слушаю...

Виноградов не очень понимал, что происходит, поэтому счел за лучшее не вмешиваться. Некоторое время все сидели молча. Пауза затягивалась.

– Н-не з-знаю... Н-не з-зна-аю... Я не в-видела... – смогла наконец выдать из себя Маша.

– Ага. Само завелось – от сырости! – В глазах подпиравшего дверной косяк Бублика было столько радостной ненависти, что у Владимира Александровича засосало под ложечкой.

– Быв-ает... – миролюбиво протянул Цадкин и внезапно, почти без замаха, хлестнул секретаршу по лицу: – Сука!

Виноградов непроизвольно бросился между ними, но нужды в этом уже не было – Валентин Сергеевич вежливо, но жестко перехватил руку босса, оттеснил его от девицы.

– Успокойтесь, Андрей Леонидович!

– Чего тебе не хватало, ты?!

– Андрей Леонидович! Может быть, отпустим капитана? – Валентин Сергеевич стоял так, чтобы не терять из поля зрения никого из присутствующих.

– Да-да... конечно, – президент постепенно успокаивался. – Вы проводите его, пожалуйста!

Начальник отдела безопасности сделал приглашающий жест, и Виноградов пошел за ним к выходу...

– Я понимаю, коллега – у вас масса вопросов... Когда-нибудь я все объясню. – Они стояли на лестничной площадке вдвоем. – А сейчас – не берите в голову!

Владимир Александрович повел плечами и пожал протянутую руку:

– До свидания!

– Все доброго! Спасибо.

– Саныч! Это ты? – донеслось снизу. Виноградов узнал голос лейтенанта Шахтина.

– Я!

– Смена пришла! Домой собираешься?

– Иду! – бросил Владимир Александрович в гулкий полумрак лестничного пролета и направился вниз...

Но так уж получилось, что в этот вечер напарник Виноградова ушел домой один. Стечение обстоятельств – судьба... Не пришел на дежурство один из сменщиков.

В подобных случаях либо наскоро обзванивали сослуживцев, договариваясь о внеурочном выходе, либо оставался кто-нибудь из предыдущей смены. Как правило, Владимир Александрович старался «халтурой» не злоупотреблять, предпочитая ночи проводить дома, но на этот раз решил задержаться до утра...

– Ты где спать будешь? – первым делом, заперев за ушедшим Шахтиным дверь, поинтересовался новый напарник Виноградова. Вопрос был не праздный – имелся выбор: либо на крохотном декоративном диванчике, что неудобно, либо на двух составленных креслах, что еще неудобнее.

– На диване, – не преминул воспользоваться своим правом добровольца капитан.

– Чаю попьешь? – инспектор из отделения связи Мартыненко был человеком незлобным и обстоятельным. Он уже разматывал белый шнур кипятильника, шуршал полиэтиленовыми пакетами с домашней снедью.

– Водички бы...

– Сейчас принесу! – Виноградов ничего не имел против того, чтобы подняться до санузла. Внезапно он прислушался: по лестнице, нарастая, рассыпался перестук каблучков. В дверях возникла, распространяя цветочный запах дешевых французских духов, мадам Цадкина. Отставая на полкорпуса, за ней почтительно следовал Бублик. У выхода они поравнялись, и водитель щелкнул замком.

– До свидания! – не оборачиваясь, бросила милиционерам Лидия Феликсовна, смело шагая в пургу – путь ее был недолог, только до теплого салона «мерседеса».

– Счастливо оставаться! – протянул руку подошедшему Виноградову Бублик.

– Постой! – прощаясь, Владимир Александрович придержал его ладонь в своей. – А с долларами-то как? Нашли?

– С долларами? – замерев, удивился водитель. Было видно, что он не притворяется – просто мысль о валюте не приходила ему в голову, точнее, как-то незаметно покинула ее, вытесненная другими, более насущными. – Черт его знает...

Уже стоя рядом с машиной, Бублик обернулся к Виноградову и почти прокричал:

– Слышь! Этот ваш... мент – он ведь на меня грешил. Да и ты тоже... Не так?..

– Воды-то наберешь, Саныч? – вывел капитана из размышления голос Мартыненко. – Или как?

– Иду, иду...

...Виноградов спускался по лестнице аккуратно, стараясь не оставлять мокрых следов – давным-давно треснувший керамический чайник безбожно протекал, несмотря на заплатки из синей изоленды. Чайник был общественный, «сбрасываться» на новый никому не хотелось, а своего лишнего в домах у сотрудников милиции по нынешним временам не было.

Владимир Александрович остановился, подождал... Из-за обитой натуральной кожей двери не доносилось ни звука. Он преодолел еще один пролет и, зазевавшись, больно ударился плечом об острый угол электрощита.

– Ч-чер-рт! – Часть воды выплеснулась на лестницу и на брюки.

– Чего-то ты долго! – В открывшемся светлом прямоугольнике вырос силуэт Мартыненко. – Давай сюда.

Он принял от Виноградова чайник и направился к розетке. Владимир Александрович же замешкался, стряхивая с брючины особо крупные капли, потом, неожиданно даже для самого

себя, уперся одной ногой в перила, коленом другой – в стену рядом, подтянулся, уцепившись за край электрощита и быстро провел рукой по его металлической поверхности...

– Вот! – Он стоял, рассматривая на свету безликий конверт из плотной коричневой бумаги и нисколько не обманываясь по поводу его содержимого.

В конверте лежало двадцать зеленых «полтинников» – ровно тысяча долларов США...

– Э-эй! Ты чего там? – отреагировал на шум Мартыненко. Видеть напарника он не мог, тем не менее Виноградов судорожно запихнул находку под форму.

– Ничего... Кусочек карате. – Он вошел в «караулку», слегка шурясь от яркого света и отряхивая испачканное известкой колено.

Мартыненко включил телевизор. Это было как нельзя кстати – потягивая терпкий, круто заваренный чай и невидящими глазами уставившись в экран, Владимир Александрович пытался упорядочить впечатления прошедшего вечера.

Вновь раздался топот с лестницы, и первым из полутьмы в холл вступил Андрей Леонидович.

– До свидания. Счастливо оставаться! – он попрощался с милиционерами за руку, ничем не выделив Виноградова. – Не холодно тут у вас? Ночью не мерзнете?

– Да нет, теперь нормально, – кивнул Мартыненко головой в сторону мощного масляного радиатора, выделенного стараниями завхоза неделю назад. – Всего доброго!

Вошел Валентин Сергеевич. Придерживая за локоть, он вел впереди себя Машу, бледную, со следами небрежно смытой косметики на лице.

– Спокойной ночи, ребята! – кивнул он остающимся, не выпуская из профессионального захвата руку секретарши.

Пока Мартыненко возился с запором, Владимир Александрович пытался заглянуть Машке в глаза. Наконец ему это удалось – глаза были пустые и влажные. Тихо заурчав двигателем, «пятерка» Валентина Сергеевича исчезла в холодной вечерней темноте.

– Наконец-то... Спать будем? – Ослабив ремень с кобурой, потер затекшую спину ночной напарник Виноградова.

– Попробуем, – отойдя от окна, ответил Владимир Александрович, но уверенности в его голосе не чувствовалось: за пазухой тихо шелестело без малого полмиллиона...

2

Спать одетым – это не сон. Тем не менее ночь, проведенная в полузабытьи, уходила. Уходила, оставляя после себя мутную тяжесть в голове, боль суставов и затекших мышц и отвратительный привкус во рту.

Звонок застал Виноградова спускающимся из туалета.

– Седьмой час. Однако!

– Какого черта. – Мартыненко, растрепанный, с суточной щетиной, торопливо пихал непослушные ноги в расшнурованные ботинки. – Подожди, я сейчас!

– Кто? – сняв пистолет с предохранителя, поинтересовался капитан.

– Я, Цадкин! – Владимир Александрович узнал голос президента. Отпер дверь, отступил в сторону, не спеша засовывая «ствол» в кобуру. Рядом хмуро встал успевший привести себя в порядок Мартыненко.

– Доброе утро!

– Здравствуйте...

Андрей Леонидович выглядел отвратительно – ненамного лучше сотрудников милиции. Виноградов впервые видел его таким – бледный, небритый, с ввалившимися глазами. Цадкин обернулся на звук отъезжающего «мерседеса», затем шагнул в относительное тепло холла. Капитан пропустил его, щелкнул замком...

Обернувшись, он увидел, что Андрей Леонидович в нерешительности разглядывает его, взвешивая, казалось, что-то, неожиданно пришедшее в голову:

– Вы... Пойдемте ко мне!

– Хорошо, – покладисто кивнул Виноградов. Он всегда нюхом чуял неприятности, и сейчас был именно тот случай.

– Побудешь? – повернулся он к напарнику.

– Нет проблем, – оправил складки под ремнем Мартыненко...

До кабинета шли молча.

– Присаживайтесь!

В офисе со вчерашнего вечера почти ничего не изменилось – только пепельница была полна окурками, да немые кофейные чашки громоздились на подоконнике. Обычно это все прибирала Машка...

– Я подумал – вам это важно знать... Может коснуться... Хотя – вряд ли, но...

Владимир Александрович молчал.

– Сегодня ночью Марья, моя секретарша... Она покончила с собой, – постепенно Цадкин обретал уверенность в себе. – Мы высадили ее у дома, а в три часа позвонили родители – поужинала, пожаловалась на усталость, попросила не беспокоить... Случайно увидели – уже поздно. «Скорая» констатировала смерть. Пытались там что-то сделать... Но – поздно.

– Снотворное?

– Да какая-то гадость.

– Записка?

– Да. Родители отдали – я ведь там как родной был... – Цадкин невесело усмехнулся. – Вот.

Он протянул Виноградову аккуратно вырванный из блокнота листок:

«Я ни в чем не виновата».

– Подписи нет... Это бывает, – возвращая записку, зачем-то сказал Владимир Александрович.

– Я знаю ее почерк. Я вообще ее с детства знаю – Машкина мать работала вместе с моей женой. С первой... – Цадкин говорил, не обращаясь к собеседнику. Сам с собой. Для себя. – Да!

Я с ней спал – но это не главное. Не главное! – президент был на грани истерики и уже не замечал Виноградова.

– Выпейте чего-нибудь... Есть у вас?

– Что? А-а... Да-да! – Цадкин встал и направился к одному из стеллажей, но по пути задел лежавшую на самом краешке секретарского стола книгу в затрепанном глянцево переплете. Он автоматически нагнулся за ней, прочитав на случайно раскрывшейся странице:

Это что за волна?

Это птицы летят...

Это в небе погасла звезда!

– Надо же – японская поэзия... Впрочем, наверное, это по программе – сейчас в университете черт-те что проходят. – Андрей Леонидович уже вполне овладел собой и, наливая в пузатые рюмки коньяк, чувствовал себя уверенно.

– Валентин Сергеевич в курсе? – поинтересовался Виноградов.

– Да. Там сейчас. Бублик за ним поехал – сюда привезет.

– Андрей Леонидович...

– Да?

– Андрей Леонидович, Марья не брала валюту, – собственно, капитан сейчас делал то, что решил еще ночью.

– Валюту?... а почему вы так думаете? – Цадкин очень внимательно изучал собеседника, оставив пустую рюмку.

Виноградов ожидал несколько иной реакции.

– Почему? Почему... Вы доллары нашли?

– Нет.

– А где они – знаете?

Цадкин молча смотрел на него, поэтому Владимир Александрович продолжил:

– Вот! Ровно тысяча.

Он выложил на стол перед президентом фирмы чуть помятый за ночь конверт.

– А кто украл – хотите скажу? – они смотрели друг другу в глаза, и Виноградов стремительно терял самообладание. Выпитый коньяк внезапно отяжелел голову. – Или неинтересно?

– Интересно.

– Тогда скажу. Бесплатно! – он уже почти не жалел о том, что сделал. – Все очень просто. Я нашел конверт на лестнице, на первом этаже, у самого холла – там такой шит электрораспределительный, высокий довольно, собака... Сверху, в глубине – так, что с моим ростом не дотянешься... Все уверяли, что офис никто не покидал – так? Нет оснований не верить. Но один-то – точно выходил! А? Не поняли? Валентин Сергеевич – он же за мной пешком спускался, ножками! А мог и по интеркому вызвать, а?

– Продолжайте.

– А что – продолжать? Валюту украл он – пока «шмонали» помещение, конверт был при нем, потом Валентин Сергеевич «скинул» его по пути за нами, а потом уже с чистой душой позволил себя обыскать...

– А я знаю.

– Что – знаете?

– Я знаю, что конверт с валютой взял он... Впрочем, это нисколько не умаляет ваших дедуктивных способностей! – почувствовав, как изменился в лице Виноградов, поспешил добавить Андрей Леонидович. – Все верно! Серьезно – я никак не ожидал от милицейского капитана...

– Я не понял.

– Хорошо... Это, в общем, сугубо внутреннее дело фирмы. Но раз уж так получилось... Он плеснул на донышко рюмок еще понемногу:

– Будем здоровы!

– Попытаемся...

Цадкин рассмеялся:

– Вы мне положительно нравитесь. Я вас на работу возьму – в помощь Валентину Сергеевичу, а?

– Я слушаю, – напомнил Виноградов.

– Хорошо! Месяца три назад началась ерунда – фирма теряла контракты, банк отказал в ссуде... В прессе прокатили, два раза налоговая приезжала – прямо «в точку». Ясно – кто-то упорно очищал от нас рынок, причем пользовался информацией... скажем так, для узкого круга. Утечка шла отсюда, – президент обвел рукой свой офис. – Сергеич своими ментовскими методами определил, что и без него было понятно...

Цадкин затянулся сигаретой и продолжил:

– Худо-бедно – узнали и конкурента... Но это тебе не важно! Важно, что никак было не вычислить «дырку», через которую все вытекало. Ну вот – вчера после обеда твой бывший коллега и предложил: сделать «подставку». Все вы, ищейки, одинаковые – глаза горят, руки трясутся! Говорит, как увидел, что жена конверт с баксами в сумке оставила, осенило: такой случай раз в сто лет...

– Да уж – такой случай...

– Ну я дал ему «добро»... Как уж он там конверт из сумки вытащить ухитрился – не знаю. Детали меня в принципе не интересовали – я как раз для таких случаев ему и плачу, между прочим!

– А потом?

– Потом, перед самым уходом, я супругу попросил сотню баксов разменять. Она сунулась в сумочку... Дальше вы знаете.

– А что это были за бумаги? Ну те, которые нашли?

– Какая разница? – Цадкин непонимающе уставился на Владимира Александровича. Тем не менее счел возможным ответить: – Распечатки с компьютера. Разные – перевод письма от шведской фирмы с коммерческими предложениями, проект договора... Еще несколько списков – по мэрии, по филиалам...

– Я могу посмотреть?

– Зачем это?

– Ну, скажем так, в качестве вознаграждения за возвращенную валюту? Все-таки – не семечки!

Цадкин дружелюбно расхохотался и ткнул Виноградова в плечо:

– А я-то думаю... нет, капитан, это вы хорошо подали – без нажима, вроде как вскользь!

– Не понял?

– Да не волнуйтесь – честность всегда вознаграждается! – Андрей Леонидович вынул из конверта пять купюр и протянул их Виноградову. – Ровно четверть. Двадцать пять процентов, как за найденный клад!

Владимир Александрович взял их, мгновение помедлил, затем положил в карман.

– Спасибо, как говорится, дают, бери... Хотя я, собственно, не это имел в виду... Не только это.

– Да пошли вы все к черту – менты! – президент фирмы щелкнул замками кейса и почти бросил перед Виноградовым пачку листов. Бумаги сразу же свернулись в неплотный рулон, стремясь восстановить форму, приданную им вчера аптечной резинкой.

– Любуйтесь!

Владимир Александрович неторопливо, стараясь не замечать иронично-неприятного взгляда собеседника, просмотрел одну за другой все страницы. Некоторые он поворачивал под углом к свету настольной лампы.

– Тут разные коды в углу страниц...

– У нас своя система учета – что-то с одной дискеты, что-то с другой... Для каждого раздела информации – свой индекс.

– Ага, – Виноградов еще раз бегло пробежал пальцами по листкам.

– Ну – и?

– Это не Марьина работа.

– Вот как даже!

– Я имею в виду – она никому не собиралась их продавать. И раньше, скорее всего, такой ерундой не занималась.

– Любопытно...

– Да вы и сами не верили... И не верите!

– Допустим! – Цадкин откинулся в кресле. – Я готов вас опять послушать.

– Серьезно?

Андрей Леонидович в задумчивости почесал переносицу.

– Хорошо... Вы меня заинтриговали.

Он одним движением передвинул конверт с оставленной валютой к Виноградову.

– Это – ваше. Я готов заплатить за рассказ – вне зависимости от того, правда это или плод вашего больного воображения!

– Неплохой гонорар! Хотите – я еще на ту же сумму спую? Или станцию?

– Заткнитесь! – не принял его тона Цадкин.

– Как скажете... Вообще-то вы и так знаете – я уже говорил.

– Сергеич?

– Да.

– Обоснуйте! – это был тон человека, привыкшего хорошо платить, но – за хорошую работу.

– Во-первых...

Виноградов вынужден был прерваться – дверь распахнулась, и в офис усталой, но уверенной походкой вошел начальник отдела безопасности фирмы.

– Здравствуйте! О-о, коллега... Приветствую!

Он снял и пристроил на вешалку пальто.

– Андрей Леонидович, молодой человек в курсе уже?

– Более чем...

– Вот как? – удивленно повернулся бывший подполковник. Увидев лежащий на столе конверт, он поднял брови. – Ну-ка, ну-ка!

– Это мое, – Владимир Александрович аккуратно взял валюту и пристроил на привычное место – за пазуху.

– Будет твое, – резонно поправил его Цадкин.

– Верно... – вынужден был согласиться капитан и потянулся за конвертом.

– Да нет... оставь! Лучше давай – начинай. Рассказывай.

– А в чем, собственно, дело? – взял в руку бутылку Валентин Сергеевич.

– Да вот, Сергеич... Раскусил тебя капитан – и денежки нашел. – Президент явно наслаждался ситуацией.

– Где?

– Там, куда ты их сунул, наверное.

– Правда? На электроците? – Валентин Сергеевич с удовольствием выпил налитый себе коньяк и с уважительной улыбкой посмотрел на Виноградова: – Молодец! И догадался, что я? Хотя, конечно... Ты объяснил ему, что к чему, Андрей Леонидыч?

– Объяснил.

– Вот так-то, Володя... Обидно, конечно, что так получилось, но девчонка сама виновата. Предатель – он редко хорошо кончает, сам знаешь.

– Знаю.

– То-то и оно... Жестоко, конечно, но... Я ведь, признаться, на Бублика думал!

– Сорную траву – с поля вон! – отчеканил без выражения Цадкин, переводя взгляд с одного собеседника на другого.

– Да уж! Андрей Леонидович, неужели он сам разобрался? И деньги сам принес? Молодец! Как, не стыдно было бывшего коллегу «закладывать»? – Валентин Сергеевич от души расхохотался. – Не смущайся! Все правильно... Ты ж думал, что я валюту просто спер, так?

Положив руку на плечо Виноградова, он внимательно гляделся ему в глаза.

– А мог ведь ее и себе оставить... Мог? Скажи честно?

– Мог. И собирался.

– Вдвойне молодец! Что не врешь.

– Андрей Леонидович мне все объяснил, – делая вид, что ищет что-то в кармане, капитан вывернулся из-под руки собеседника.

– Что – все?

– Про утечку информации. Про то, что нашли у Марьи, и как это внезапно и удачно получилось с «тонной» долларов. Про ее записку...

– И что скажешь?

– А он говорит, что Машка действительно не виновата. Что ее подставили! – по лицу Цадкина было видно, что он не жалеет о потраченной на происходящее действие сумме.

– Подставили?.. Может быть! – Валентин Сергеевич после секундного раздумья согласно кивнул и опять обернулся к Виноградову: – И кто же? Есть мысли? Не стесняйся – твое мнение для нас достаточно ценно...

– А он и не стесняется! – ухмыльнулся президент.

– Ну и кто же? – повторил вопрос Валентин Сергеевич.

– Вы! – Виноградов старался не отрывать взгляда от его лица, а руки в поисках опоры легли на ремень портупеи.

Бывший подполковник с видимым облегчением откинулся в кресле:

– Ну, чего-то в этом роде я ждал... Дерзайте, Володя! Аргументируйте.

В уголках его глаз упрятались ироничные искорки. Валентин Сергеевич повернулся к своему боссу:

– Послушаем?

– Отчего ж... Уплачено! – Цадкин уселся поудобнее.

Капитан оценил – им удалось заставить его почувствовать себя полным идиотом. Тем не менее – «сказав А, не будь Б...», как говаривал один давний приятель... Владимир Александрович привел в порядок потерявшие стройность мысли и начал:

– Логика простая. Допустим, что Марья секреты фирмы на сторону не продавала. Значит, она не брала и эти документы...

Виноградов взял из рук президента бумаги:

– Значит, их ей подложили. Кто подложил? Тот, кто фактически сплавлял конкурентам информацию. Тут объяснять не надо – он таким образом отводил от себя подозрения, ну и...

– Не разжевывайте!

– Хорошо. Я по-другому расскажу... Я буду исходить из того, что источником утечки информации является Валентин Сергеевич. Не возражаете?

– Это ваше авторское право, – кисло улыбнулся начальник отдела безопасности. Судя по всему, происходящее начинало его раздражать.

– Прекрасно. Марья работала в фирме с основания – все было в порядке, никаких проблем. Некоторое время назад пришел Валентин Сергеевич... Огляделся – и начал потихонечку вас «сдавать», а может быть, его и специально заранее внедрили... Трудно сказать! Но и вы не дремали – коммерческий шпионаж – штука недолговечная, «источник» рано или поздно «засвечивается», того и гляди кто-нибудь из конкурентов выйдет напрямую на Андрея Леонидовича, минуя отдел безопасности... Это ерунда, что вчера все случайно получилось, товарищ подполковник оперативную комбинацию давно готовил, заблаговременно! Я не совсем уверен в технологии... Сколько обычно экземпляров такой вот конфиденциальной информации распечатывалось?

– Два, – сразу же ответил Цадкин. – Мои у меня!

– Ну, я свои после проработки уничтожал... Это все видели, – счел необходимым прокомментировать Валентин Сергеевич. – А секретарь могла совершенно спокойно еще себе распечатать...

– Могла, – подтвердил Андрей Леонидович. – Но кроме нее – никто, у нас только Машка умела с компьютером обращаться.

– Во-первых, трудно проконтролировать, действительно ли шеф отдела безопасности уничтожает именно те бумаги – кто это кроме него самого будет делать? Во-вторых, судя по всему, листы в рулоне были сложены именно в таком порядке, так? Никто их не тасовал?

– Нет, – пожал плечами Валентин Сергеевич.

– Я – нет! – мотнул головой Цадкин.

– А расположены они в хронологическом порядке.

– Ну и что?

– А то, что секретарша, снимая копии с заложенных в компьютер документов, «считает» сначала одну дискету, а затем – другую... Совмещать информацию из разных массивов, раскладывать ее – у Машки не было возможности и физически, по времени, и психологически!

Цадкин взял у Виноградова бумаги и начал торопливо пролистывать их, отгибая уголки с индексами. Подполковник протянул было руку, чтобы также полюбопытствовать, но под взглядом Владимира Александровича подался назад.

– Интересно...

– Еще как! Кроме того, Андрей Леонидович, пятый лист, по-моему, или четвертый... Да-да, вот этот! Посмотрите на свет – внизу, на свободном поле... Видите – оттиск рукописного текста?

– Вижу!

– Кто-то писал что-то шариковой ручкой, а под его листом случайно оказался уголок машинной распечатки – вот и продавилось с одной бумажки на другую. Знаете, я готов половину содержимого конверта поставить на то, что почерк – чей? А, Валентин Сергеевич?

– И это значит... – собеседники молча отметили, что Цадкин отложил документы на самый угол стола – подальше от них.

– Это значит, что информация – не прямо из компьютера. Что она была в работе... Это именно те экземпляры, которые значатся «списанными» у вашего шефа безопасности... и моего бывшего коллеги. Я продолжу?

– Разумеется. Не возражаете?

– Что вы! Послушаем, – реакция Валентина Сергеевича на происходящее внешне ничем не проявлялась.

– Акция в любом случае планировалась на вчера – не валюта, так что-нибудь другое «пропало» бы, или он убедил бы вас объяснить, что якобы пропало... И обыск, и личный досмотр всех присутствующих он заранее планировал – тут ведь вот какая деталь. Товарищ подпол-

ковник – мужчина самолюбивый, кому приятно, когда собственное грязное белье, пардон, на глазах у всех полощут... Тем более – на глазах у дам!

– К чему это вы? – впервые позволил вылиться неприязни Валентин Сергеевич.

– К чему? Бублик говорит, а я думаю, и Андрей Леонидович в курсе – что вы постоянно с собой носите всякие... интимные штучки на случай «скорострельного полового контакта», как теперь выражаются... Всякие мелочи, которые в мужском коллективе продемонстрировать можно, но при женщинах... Конфуз для офицера!

– Точно! – подтвердил Цадкин. – Мы еще на эту тему...

– Вот. А вчера – не взял. С учетом, я думаю, предстоящего «шмона». Вытянуть конверт и сунуть Марье в сумочку бумаги – дело техники...

– А вытягивать и не надо было, – вставил Цадкин задумчиво. – Лида его и не клала в сумочку, она его сразу же мне сунула, когда вернулась, а я передал Сергеичу... Она в курсе была, что мы «дырку» ищем.

– И когда же?..

– В обед. Мы втроем сидели, обсуждали всю эту ерунду. Сергеич и предложил.

– Значит, с самого начала подозревали – или секретарша, или Бублик?

– Да. Сергеич говорил, что у него в отношении Марьи есть подозрения...

– Страховался...

– Ладно. Хватит! – Валентин Сергеевич встал и шагнул к напрягшемуся президенту. – Вот это все – лирика. Слова! – он ткнул пальцем в сторону Виноградова. Затем показал на лежащие на столе бумаги: – А вот это – не слова. Это вещдоки – ясно?

– Вещественные доказательства, – покладисто кивнул Цадкин и на всякий случай придвинул их к себе. – Очень хорошие.

– Вот именно... Я не хотел говорить, но раз уж так вышло... Действительно, часть распечаток мной не уничтожалась – да, именно те, что вчера были найдены. Для чего? Были мысли... Хотел подложить их к себе в стол – не на виду, а так, чтобы только уж очень любопытный нашел... И гадостью полить – капитан, наверное, знает...

– Химловушка?

– Точно так. Кто бы их взял – потом неделю руки от дерьма оттирал бы!

– Ловко!

– Было бы ловко... Сейфа нет, хранить негде – я тебе, Леонидыч, еще когда говорил? Препарат мне должны были только сегодня привезти, вот и пришлось в среднем ящике, под каталогами прятать... Вчера с утра сунулся – нет! Уходил – были, а утром – тю-тю! Скажу честно, просто постеснялся признаться, решил шанс использовать – и, как видишь, не зря. Почти наверняка было – я твою секретаршу давно подозревал, слава богу, что не ошибся!

– А твой... «джентльменский набор»? – соотнося рассказ бывшего милиционера с какими-то своими собственными наблюдениями, поинтересовался Андрей Леонидович.

– Шеф... Тут дело такое... А, ладно! Бублик у меня его забрал, просто выпросил.

– Да? Когда?

– Вчера с утра. Перед тем как в банк ехать. За валютой. – Валентин Сергеевич повернулся к Виноградову и, опережая возможные вопросы, сказал:

– Я поэтому и удивился, когда он при тебе начал насчет этого спрашивать... Понять не мог – зачем?

– Ну а ты что скажешь? – Андрей Леонидович смотрел куда-то за спины собеседников. Обернувшись, они увидели в дверном проеме угрюмую фигуру водителя – не вынимая рук из карманов длинной кожаной куртки, Бублик подпирал плечом белеющий импортным пластиком косяк.

– Падла! – выплюнул он в лицо бывшему милиционеру подполковнику.

– А конкретнее? – Цадкин с удовлетворением оглядывал создавшуюся мизансцену.

– Я же говорил вам, Андрей Леонидович – про этого мента и Лидку... Лидию Феликсовну. Сколько раз говорил! А? Вчера днем, прежде чем валюту получить, заехали к вам... Пока мадам переодевалась, я в сортир забежал, а потом – в ванную. А там – его «джентльменский набор», забыл, наверное, сгоряча!

– Врешь!

– Подожди, Сергеич... И ты, Бублик...

– Но он же врет, он же сам!..

– Подожди, Сергеич... – повторил задумчиво президент. – Ты, говоришь, где вчера с утра был? В мэрии?

– Ну... да!

– Не было тебя там.

– Шеф!

– Не было! Я знаю...

– Да кому вы верите, шеф! Он же сам с ней... Они перед банком что – курицу размораживать заезжали? Или цветы поливать? Да она с Бубликом под самым вашим носом, а теперь меня подставляют!

– Капитан, – Цадкин внезапно обратился к Владимиру Александровичу. Чувствовалось, что он не на шутку растерян, события вышли из-под контроля и стремительно перерастали в нечто необратимое. – Капитан, ваше мнение?

Виноградов постарался, не покривив душой, сформулировать свою мысль наиболее корректно:

– Видите ли... У меня нет оснований не верить обоим.

– В смысле? – нахмурился Андрей Леонидович.

– Ха? – почти дружелюбно глянул на Виноградова Бублик. – Он имеет в виду, что эта многостаночница Лидка... И с ним, и со мной, не считая вас, конечно!

– Полегче на поворотах, молодой человек! – счел необходимым вставить осторожный начальник отдела безопасности, непонятно к кому обращаясь.

– Да бросьте вы, – тихо, но так, что собеседники затаили дыхание, выдавил из себя Андрей Леонидович. – Бросьте... Что я – не знал, что ли, про эту шлюху, про Лидку? Вы что думаете – первые у нее? Герои, блин, любовники! Конспираторы! Конечно, шеф – дурак-рогоносец... А, капитан?

– Дело житейское. Всегда ж так было: жена барина – с лакеем или с управляющим. Русская классика, девятнадцатый век...

– Молодой человек! – вскинулся Валентин Сергеевич.

– Нашелся, мент святой! – поддержал его Бублик.

– Да какая уж тут святость... – сокрушенно покачал головой Виноградов. – Но как сказано в одной современной книжке, «если общий фон – грязно-черный, то собственная совесть при некоторой запятнанности смотрится белоснежной»¹.

– Умник!

– Заткнитесь... Все заткнитесь! – Цадкин резко встал, прошелся по кабинету, нервно переставил с места на место пустую бутылку из-под коньяка. – Так... Надоело... Внимательно слушайте, как все было, Пинкертоны хреновы!

Он вновь уселся в привычное кресло с видом человека, принявшего окончательное решение.

– Когда жена вернулась из банка и Сергеич прибежал со своей идеей насчет того, чтобы стащить якобы валюту, я дал добро. Но на всякий случай, чтоб убедиться, что доллары действительно не в шубе, например, а в сумочке, я туда заглянул. И увидел, кроме конверта, бумажки...

---

¹ В. Барковский, А. Измайлов. Печень по-русски. Русский транзит-2 (см. СПб.: Комета, 1994).

Вот эти, мать их! Я ее, дрянь, давно подозревал. – Цадкин заметил, что Владимир Александрович недоуменно поднял брови и пояснил:

– Что – неясно, какой ей смысл? Элементарно. В любой момент я застукал бы ее с каким-нибудь мужиком – и адью! Пишите письма... А опять в дерьмо, откуда я ее вытащил, – нет, мадам Цадкина не хочет! Вот и решила на стороне капиталчик на черный день подсколотить. Ясно? Так вот... рядом Машкин саквояжик лежал – я бумаги туда и сунул, еле успел. Хотел потом как-нибудь их... изъять – но сразу же закрутилось, завертелось!

– А почему именно к Машке? Не в стол, не в урну? – прервал образовавшуюся паузу Виноградов.

– Не знаю, – равнодушно пожал плечами Цадкин. – Кто ж думал, что так получится? Надо было обязательно, чтоб в этот раз стрелки на кого-то конкретно перевелись, а то Сергеич бы не успокоился, пока до Лидии Феликсовны не докопался. Так?

– Да. Были, по правде говоря, мысли...

– Для этого и в койку с ней залез, а? – Андрей Леонидович был вовсе не похож на осмеленного рогоносца. – Штирлиц?

– Шеф... Не мы такие – жизнь такая!

– Народная мудрость, – поддержал Валентина Сергеевича Бублик. У него был счастливый вид прощенного за разбитую чашку лакея.

– А теперь что? – нарушая только что восстановившуюся гармонию, спросил Виноградов. И сразу же ощутил себя в перекрестье трех пар неприязненных глаз.

– А что? – уже тяготясь его присутствием, но стараясь быть вежливым, отреагировал президент. – Так вышло. Никто ж не ожидал...

– Фирма безусловно поможет Марьиной семье – со всякими там... формальностями, ну и материально. Бедная девочка! Мы ж не такие уж мерзавцы, как может показаться, – Валентин Сергеевич говорил негромко, доверительно, стараясь голосовыми модуляциями подчеркнуть свою искренность.

– Тебе-то каким боком это все, капитан? Забудь – и разотри! – поддержал с порога Бублик.

– Спасибо, Владимир Александрович! – Цадкин встал, чтобы попрощаться. – То, что вы получили определенный... гонорар – это не главное. Я полагаюсь на вашу порядочность...

– На что? – переспросил Виноградов. – Ах, да!

Не замечая протянутой руки, он прошел мимо Андрея Леонидовича и очутился на лестнице, обогнув посторонившегося Бублика...

Больше он в этой фирме не «халтурил» и только спустя почти месяц от Олега Шахтина узнал о внезапной и нелепой смерти «дамы в шубе» – Лидии Феликсовны Цадкиной, утонувшей в пятиметровом бассейне престижного физкультурно-оздоровительного комплекса.

А валюта как-то сама по себе растратилась – рано или поздно кончаются даже очень крупные деньги... Пришедшее легко – легко и уходит.

Десять дней в неделю

*Вот так всегда в России:
сидишь и гадостей ожидаешь...*

В. Пьецух. Заколдованная страна

1

С трудом протиснувшись к выходу, Владимир Александрович в последний момент все-таки вывалился из троллейбуса. Сразу же за его спиной тупо клацнула дверь, защемив чью-то дерматиновую сумку.

Бедные «топтуны», если они сегодня за мной работают, подумал Виноградов. Вести наружное наблюдение в час пик в нашем общественном транспорте – дохлое дело. Хотя у них теперь вроде порядок с автомашинами, могут челноком вдоль маршрута мотаться, ждать, когда объект сам выйдет...

Он осторожно, стараясь не поскользнуться на прихваченной ледком луже, отошел от остановки, проверил наличие пуговиц, оправил сбившийся на сторону шарф. Вроде ничего подозрительного. Поднял глаза – на световом табло золотисто мерцало: «17.03» и «– 02». С видом позорно опаздывающего человека рванул на себя ручку массивной стеклянной двери и очутился в сумрачном склепе заводской проходной.

Предъявил удостоверение в раскрытом виде:

– Студенты проходили?

– Было несколько... – худощавый высокий вахтер кивнул головой и нажал кнопку турникета.

Виноградов прошел внутрь, но встал так, чтобы не выпускать из виду стража ворот и тех, кто может сейчас «ломануться» вслед. Озабоченно роясь в портфеле и бормоча под нос нечто невразумительное о «конспектах», «курсовом плане» и «чертовом доценте», он не мог не похвалить себя за предусмотрительность – вместо одного-двух положенных документов прикрытия у него всегда было не меньше пяти разных, на всякие жизненные случаи. Вот и сейчас – что бы можно было сделать без студенческого билета судостроителя-заочника, дающего право прохода для практических занятий и консультаций на территорию крупнейшей в России военной верфи?

Охрана здесь обрубит любой «хвост», на подобных предприятиях к милицейским удостоверениям относятся очень спокойно... Нет, слава богу – за кормой чисто.

Виноградов прошел немного по выметенному, чем-то напоминающему образцовый казарменный плац дворику и покинул территорию верфи через соседнюю проходную, очутившись за углом той улицы, где несколько минут назад оставил троллейбус.

Темнело. В холодном воздухе нехотя густел традиционный осенний туман. От недалекого порта ветер тянул запах соли и водорослей. Он обернулся – здесь табло над дверью почему-то показывало те же «17.03», но о температуре сообщало, что «– 04».

Интересно, подумал Виноградов, если на предприятии, изготавливающем электронику для морских ракетноносцев, не могут отладить собственные часы с термометром, то враги, пожалуй, могут спать спокойно. Однако же – в любой момент какой-нибудь датчик сам себе не понравится, «закоротит» или наоборот... и «Гуд бай, Америка!»

– Вечер добрый! Простите за опоздание.

– Ерунда, – бросил Владимир Александрович, ныряя в уютный салон «девятки». Захлопнув дверцу, протянул водителю руку:

– Приветствую!

Обернулся, чтобы поздороваться с расположившимся в полумраке заднего сиденья незнакомым мужчиной, и от страшного удара в затылок обрушился на рулевую колонку. Успел еще почувствовать боль – рука водителя, вцепившись в волосы, запрокинула голову Виноградова, затем еще один тычок в открывшуюся шею, и окружающее растворилось клубящимся огненно-фиолетовым пятном...

Было темно, пахло грязью и бензином. Судя по всему, он лежал на дне машины, скрюченный и прикрытый какой-то тряпкой. На каждой дорожной выбоине в голове перекатывался раскаленный шар, тошнило, собственные глаза казались огромными свинцовыми таблетками. Первая же попытка пошевелить связанными конечностями выдавила из отбитого горла жалобный стон.

Почти сразу краешек материи был отвернут и вплотную приблизилась мясистая, плохо выбритая физиономия:

– Це-це-це! – укоризненно сказал ее обладатель. – Спи давай. – И ударил Виноградова тыльной стороной ладони в висок.

Сделал он это вполне профессионально, но то ли положение было неудобным, то ли еще почему-то, Владимир Александрович обмяк, опрокинувшись в тягучее море боли, но полностью сознания не лишился.

Некоторое время машина шла ровно и, судя по всему, достаточно быстро – загородное шоссе, понял Виноградов. Особых иллюзий на свой счет он не испытывал, при таком начале конца свидания мог быть только один, вопрос только – просто убьют или будут зачем-нибудь мучить перед смертью. Стало не то чтобы страшно, это, конечно, тоже – стало очень обидно и до слез себя жаль. Действительно, до слез – Владимир Александрович почувствовал, как мокро зашекетало в уголках глаз и на щеке...

Внезапно режим движения изменился – по нарастающей взревел мотор, загоняя стрелку спидометра за стопятидесятикилометровую отметку, на нескольких виражах измученный мозг Виноградова испытал почти самолетные перегрузки. Сквозь грохот он расслышал короткие гортанные реплики похитителей, твердое колено бесцеремонно придавило грудную клетку – любитель рукоприкладства перегнулся к левой задней двери, опуская стекло, как догадался Владимир Александрович. Щелчка предохранителя так и не послышалось, очевидно, автомат был приготовлен к стрельбе заранее.

Три короткие очереди – каждый выстрел сильно отдавался через упертое в грудь колено – не остались без внимания преследователей. Попаданий Виноградов не ощутил, просто устроившийся на нем стрелок неожиданно дернулся и сполз вниз, окончательно придавив пленника. Занятый попытками освободить для дыхания хотя бы ротовое отверстие, Владимир Александрович даже не успел осознать мстительного удовлетворения.

Почти сразу же вслед за этим машина остановилась. Водитель открыл дверцу и, как понял по скрипу пружин сиденья Виноградов, высунулся наружу. Он успел прокричать что-то жалобное на родном языке – и без перевода было понятно, что сдается, просит не убивать, но дважды громыхнуло картечью, и уже неживое тело отшвырнуло обратно в салон.

Виноградов решил пока не напрягаться, тем более, что навалившийся сверху мертвец особой свободы движения не давал. Хотя, конечно, если ребята задумали спалить «девятку» вместе с трупами, продуктами своего труда, чтобы концы в воду... Додумать эту увлекательную мысль Владимир Александрович не успел.

Тело, закрывавшее доступ к воздуху и свободе, небрежно стащили в сторону. Откинули вонючий край материи.

– Слава Аллаху! Живой?

Способность удивляться – это, наверное, последнее, с чем на свете расстается человек. Рассматривая снизу вверх спасителя, Виноградов вынужден был признать, что меньше всего

ожидал увидеть эту изломанную физиономию профессионального боксера, пижонскую золотую цепь на багровой шее, нахальный прищур глаз.

– Да, господин Степаненко. Спасибо! – вежливо ответил он.

– Испугался? – Степаненко посторонился, переложив в левую руку пятизарядный охотничий карабин, только что бывший в деле. Тренированные лапы вытянули Владимира Александровича из салона, ловко орудуя ножом, освободили конечности.

– Теперь – да! Когда тебя увидел. – Виноградов, не удержавшись на ватных ногах, привалился к грязному боку машины. Нельзя сказать, что он был вполне искренен.

– Лука-авишь... – расхохотавшись, погрозил пальцем спаситель. – В «тачку», быстро!

Повинуясь команде босса, двое парней, один из которых перед этим перерезал унижавшие Виноградова веревки, подхватили Владимира Александровича и, стараясь не причинить лишней боли, отнесли его к сверкающему рядом не нашей белизной «форду».

Меньше чем через минуту раненая машина с мертвецами одиноко истекала бензином на пустынной в эту пору проселочной дороге всего в паре километров от крупнейшего шоссе Северо-Западного региона.

Ванная выглядела под стать квартире – не то чтобы совсем нежилая, но обжитая наспех и ненадолго. Закончив умываться, Виноградов мокрой рукой дотронулся до жгучей ссадины на макушке и зашипел от боли.

Почти мгновенно в зеркале отразилась скуластая физиономия одного из недавних спасителей.

– Все в порядке! – обернулся к неприкрытому проему двери Владимир Александрович. Боец молча пропал из поля зрения.

Виноградов вытерся одним из по-гостиничному чистых махровых полотенец и вышел к хозяину...

– Прошу! – гостеприимным жестом Степаненко предложил ему занять место на мягком диване, с трех сторон обтекающем журнальный столик. – Употребить?

На столике кроме аппетитной горы разлохмаченных бутербродов теснились какие-то баночки и коробки. Степаненко взялся за дымчатую бутылку «Абсолюта».

– Давай... В медицинских целях.

– С днем рождения, капитан!

– Спасибо... – поставил Виноградов опустевшую рюмку. – А бойцы твои?

– Они на работе. Не положено.

Телохранителей действительно не было видно и слышно, они лишь угадывались в полумраке огромной многокомнатной квартиры.

Гость и хозяин помолчали. Им было о чем помолчать...

Чуть больше года назад Михаил Степаненко, житель России и гражданин Германии, возглавлял одну из самых мощных в городе преступных группировок. Проституция, рэкет, контрабанда... Капитан Виноградов провел тогда крупнейшую в своей оперативной карьере операцию, операцию «Крот» – его человек проник в святая святых «синдиката».

Закончилось все очень печально – Владимир Александрович лишился должности, а его негласный помощник – жизни... Правда, и Степаненко пришлось довольно поспешно вылетать в страну бременских музыкантов, не попрощавшись толком с любовницей, черным «мерседесом» и милицейским другом-генералом².

– Мастер... – обратился Виноградов к хозяину, пользуясь известным в определенных кругах прозвищем. – Скажи, вы ведь не меня «вели»?

---

² Эти события описаны в повести «Мышеловка за мышью не бегает» (см. Филатов Н. Дело частного обвинения. М.: Вече, 2016).

– Не тебя, – кивнул Степаненко. – Те двое – «ликвидаторы», мы все равно должны были их сегодня...

Капитан вспомнил недавние «Секунды» – изломанный труп Эдика, огромного самбиста, последнее время замещавшего в городе босса. Все ясно – Мастер ничего и никому не прощал: чтоб рассчитаться за смерть своего компаньона, он прилетит и с другого полушария.

«Что-то не вяжется, – подумал Виноградов. – Как-то все это слишком быстро, да и не стал бы Степаненко сам прилетать только для этого, поручил бы кому-нибудь, благо специалистов хватает...»

– Давно здесь?

– Пятый день, – Мастер выдержал паузу, ожидая следующего вопроса. Затем продолжил:

– Знаешь ведь, что в Пароходстве...

– Знаю, – кивнул Виноградов.

В свете очередной кампании борьбы с коррупцией Пароходство раздирали на кровавые ошметки прекрасно оснащенная и натасканная оперативно-следственная группа. Работала жестко и продуктивно – сажать было кого и было за что, тем более наша патологическая экономика и бестолковое законодательство как будто специально рассчитаны на обеспечение наполняемости мест лишения свободы... В основном, конечно, досталось не мафиозным структурам. Но и интересы Степаненко, конечно, тоже задела – его «Норд-Вест круизез» в сфере морских перевозок фактически монопольно управляла белоснежными пассажирскими лайнерами Пароходства, отмывая «черную» наличность, перекачивая ее за рубеж и вновь, уже оттуда, инвестируя в Россию. Фактически коллеги Виноградова занимались сейчас тем, что когда-то не успел закончить он сам.

– Сергеева взяли, Бетдинова, Карояна. Говорят, еще – Елкина и Храмова... – Мастер называл людей, хорошо известных Виноградову.

– Елкина и Бетдинова выпустили уже. А Сергеев слег – седьмой десяток все-таки! – считал возможным поделиться Владимир Александрович. Тем более что служебной тайны он не выдавал – сам пользовался информацией опосредованной.

– Ну вот... Приехал тут кое-что «подчистить», сам понимаешь.

– Насчет «подчистить» – не меня имеешь в виду? – Виноградов улыбнулся, показывая, что слова его надо воспринимать в шутку.

Степаненко хохотнул:

– Не-ет! Год назад, не скрою, стоял вопрос... А теперь – нет. Другие проблемы... – он на мгновение помрачнел, потом опять улыбнулся: – Веришь, когда тебя сегодня увидел, как ты в машину к этим обезьянам ныряешь – на душе потеплело! Судьба, думаю, а?

Виноградов пожал плечами, ожидая продолжения.

– Судьба... Мы ведь могли дожидаться, когда они тебя – того! А уж потом...

– Может, денег тебе дать? Премию? Или медаль «За спасение мента» с закруткой на спине? Давай к делу?

– Давай. Ты там как оказался?

– Позвонили. Домой. Предложили встретиться – насчет фиктивных «представительских» на судах, там хищения валюты крупные... Я объяснил, что в Морском отделе не работаю, пусть обращаются в следственную бригаду. А тот мужик говорит – их не знаю, вам, Владимир Александрович, доверяю. И назвал одного человека...

– Кого?

– Кого – неважно! Одного из моих «помощников», бывших. Назначил встречу, описал машину...

– Та-ак... В общем, как я понял, те ребята тоже кой-чего «подчищают». Только у меня в списке тебя нет, а у них – есть!

– Скажи, а этот... ну – бывший?

– Мне нравится ход твоих мыслей! – хлопнул себя по коленке Степаненко. – Генерал, что ли?

Они оба думали и говорили об одном человеке – недавно еще начальнике Главка, соучастнике самых «крутых» махинаций Мастера.

– Да.

– Где ж ему быть? На пенсии. После того скандала я его к себе взял, потом он отделился – свою собственную «долю» имел с магазинов и баров на «Наташе Ростовой», «Константине Федине» и «Владимире». Свою «команду» сколотил...

– Хреново.

– Ерунда! Его уйму – не дрейфь. Время, правда, понадобится...

Мастер оборвал себя на полужестком, задумался, длинно посмотрел на Виноградова и поднялся из кресла:

– Понадобится...

Он прошел к окну, затем вернулся. Закурил:

– Ты чем сейчас занят?

– В смысле?

– Ну, отпуск взять можешь?

– Я и так в отпуске. Еще почти две недели. А что?

– Есть деловое предложение. В порядке взаимной услуги. Я ж тебя выручил? Крупно выручил!

– Ну?

– У меня проблема. Ты подходишь! – Мастер хлестко ударил кулаком в подставленную ладонь. – Как я сразу не подумал! Работы на неделю – сколько успеешь... Заработаешь неплохо. Заодно и из города смотаешься, пока суд да дело.

– Криминал?

– Все официально! Оформим договором, через твое начальство, если хочешь. А не хочешь – так...

– Если охранять кого-нибудь или груз сопровождать, у меня на время отпуска оружия нет, ты это учти! А «левый» ствол...

– Саныч! Я ж тебя знаю!

– А сколько?

– Тридцать «зеленых» в сутки. Плюс все расходы – в рублях. Плюс «тонна» долларов по окончании, если все – о'кей. Годится?

– Соблазнительно...

– Давай, соглашайся! – чувствовалось, что Степаненко не на шутку загорелся новой идеей.

Виноградов подумал, что, если поторговаться... Нет, неприлично. Он вспомнил про незаконченный по финансовым причинам ремонт в прихожей, про давно обещанную жене стиральную машину, про кое-что еще... Тем более – долг платежом красен, а вот послушать большого греха не будет:

– Излагайте, босс!

2

*Другому вовсе и не надо ехать...
а он непременно поедет.
Он непременно захочет проявить
свою угнетенную амбицию...
хотя его могут там задавить до смерти.*

Мих. Зощенко

Смешно – проработав почти восемь лет в транспортной милиции, имея целую кучу формальных и неформальных льгот, капитан Виноградов впервые в жизни ехал в вагоне СВ. Интерьер купе напоминал старый фильм о «красных дипкурьерах» и голливудские экранизации Агаты Кристи, было тихо и чисто.

Владимир Александрович запер никелированный замок двери, раздвинул крахмальные занавески и снял пиджак – ни есть, ни спать пока не хотелось. За окном морозно темнел поздний вечер...

Вытертая кобура привычно сковывала движения – девятимиллиметровый газовый «вальтер» был вручен перед самым отправлением вместе с документами, билетами и деньгами. Виноградов отстегнул ее, смотал кожаную сбрую и сунул под подушку. Окинул взглядом причесанный ворс коврового покрытия, помедлил и скинул ботинки.

...Собственно, инструктаж занял не больше получаса. Подъехавшему прямо с утра, в условленное время, Виноградову пришлось обойтись даже без кофе – Степаненко куда-то торопился и встретил капитана чуть ли не на пороге:

– Любишься!

Он выложил перед Владимиром Александровичем несколько черно-белых фотоснимков. Наметанным взглядом недавнего «транспортника» Виноградов разглядел сползшую с насыпи колесную пару, развороченный бок рефрижераторной секции, человеческий обрубок в милицейской форме, зажатый металлической плитой двери. На двух фотографиях суетились какие-то бородатые, увешанные оружием люди, перегружавшие в бортовой КамАЗ ящики и бочки. Снимки были качественные, ясно, что работал профессионал или очень талантливый любитель с хорошей аппаратурой.

– Конец прошлого месяца. Южная Халкария... Последний перегон перед границей, – прокомментировал Степаненко.

Виноградов припомнил – в прессе тогда довольно бурно комментировался налет неустановленной банды на российский железнодорожный состав. Последовали даже какие-то санкции... Погибло больше десяти человек, в том числе двое милиционеров и стрелок военизированной охраны, выделенный местным Управлением дороги.

Степаненко сложил веер глянцевых прямоугольников.

– Один из вагонов, тот, который взрывали, был мой... Жратву – консервы, шоколад, ликеры – вычистили под ноль. Но это – хрен с ним! Они забрали одну штуку... Ее и надо найти.

– Что за штука?

– Контейнер такой... Типа бочки на двух полозьях. Метра два на полтора. По бокам – ручки, чтобы удобнее носить, сверху еще небольшая фиговина. Зеленая... А сам – белый.

– Тяжелый?

– Вчетвером – носят.

– Внутри что?

– Да! Везли в брезентовом чехле, без маркировок...

– Внутри что? – повторил вопрос Виноградов.

– Не наркота. И не похищенный труп, – натужно усмехнулся собеседник. – Можешь быть спокоен.

Он понимал, что вопрос не праздный. Секунду помедлил:

– Внутри... Скажем так: найдешь – сам узнаешь! Не найдешь – меньше будет головной боли. И у тебя, и у нас.

При такой постановке вопроса задача на порядок усложнялась, но правила в этой игре придумывал не Виноградов. И даже, судя по всему, не Степаненко.

– Что еще?

– В этом злосчастном поезде ехал Андрей Баконис, фотокорреспондент из «Прибалтийского курьера». Ну он еще прославился снимками у телебашни, потом там что-то про ваши генеральские дачи... Искатель приключений на собственную задницу!

– Слышал.

– Так вот, этот Баконис, когда они на засаду нарвались, первым делом целую пленку отщелкал, а потом – уже не знаю, как он их уболтал, – увязался за бандой... Прощатался с ними несколько дней, а «всплыл» уже дома – живой, здоровый. В «Курьере» появился его репортаж – но только о самом налете. Кто, что – ни строчки! Как обрезало – ни снимков, ни комментариев... Ничего!

– Так.

– Значит, первым делом поедешь к корреспонденту. Побеседуешь. Вытяни из него все!

– Что – все?

– Когда я говорю все – значит все! В первую очередь – про «бочку». Ну и остальное... Дальше – по обстановке, не мне учить. Только свяжись, сообщи о результатах.

– Будет сделано.

– И еще... Есть основания полагать, что контейнер поврежден взрывом. Это плохо. Очень плохо!

– Для кого?

– Для всех!

От тяжелого взгляда Степаненко Владимиру Александровичу стало на мгновение зябко. Мастер не шутил.

– Снимки возьми... Оплата – с сегодняшнего дня. Условия – как договаривались. Вопросы есть?

Вопросов у Виноградова было много. Но на ответ рассчитывать не приходилось...

И снова Прибалтика. Поднимаясь вверх по истертому булыжнику Старого города, Виноградов с грустью вглядывался в знакомые с детства сказочные уголки. Он любил эти горбатые, извилистые улочки, громады крепостных башен, узор шпилей и замысловатых флюгеров в печальном небе...

У россиян, подумал Владимир Александрович, после всего этого бардака возник новый вид ностальгии – ностальгии по утраченным окраинам некогда Великой Державы. Была ведь пусть какая-никакая, такая-рассякая, но – Великая, но – Держава! А теперь... Это нашим детям, пока несмышленным, будет потом все равно – что Финляндия, что Латвия, что Гондурас: заграница... Но для нас, например, тридцатилетних питерцев, всю жизнь гордившихся европейским уютом Риги не меньше, чем золотыми куполами Суздаля или рыбным богатством Камчатки?

– Его нет, к сожалению, – с вежливым акцентом ответила симпатичная старушка, разбивавшая в приемной редакции огромный желтый мешок с письмами. – Сегодня, во всяком случае, не видела.

– Какая досада!

– Знаете что, молодой человек... Спросите у Бориса – он бывает там даже, пожалуй, чаще, чем здесь. – Собеседница кивнула в сторону обитой дерматином двери с табличкой на двух языках: «Заместитель редактора». Старушка напомнила Виноградову добрую и усталую учительницу, говорящую о непутевом, но любимом выпускнике.

– У Бориса?

– Вы, наверное, приезжий? Конечно... «У Бориса» – это кафе напротив, сразу за углом. Там собирается русская молодежь – журналисты со всех газет. И с телевидения... Что-то вроде клуба, так?

– Спасибо большое, я схожу – спрошу!

– Не за что. Может быть, хотите передать? Или оставить записку?

– Нет, спасибо. Всего доброго!

– Всего хорошего!

...Ни охранника, ни швейцара в галунах, к чему так привык в беспокойном Питере Виноградов, на входе в кафе не было. Без труда обнаружив бурую от времени дубовую дверь под кованой вывеской, через минуту он уже разговаривал с очкастым худощавым барменом.

– Баконис? Нет, сейчас нету.

– А имеет смысл ждать?

– Ждать?.. – бармен в задумчивости снял и начал протирать очки. Даже его акцент воспринимался Виноградовым не по-заграничному, пробуждая школьные воспоминания о взбитых сливках, первой отечественной жевательной резинке и безупречной чистоте гостиничного белья.

– Ждать? Пожалуй! Его нет уже третий день, так долго он не отсутствует, значит, должен появиться... Длительный перерыв может плохо сказаться на его самочувствии! – доверительно хохотнул он, подмигнув и звякнув серебряной ложечкой о пузатое стекло коньячной бутылки. Бармен говорил с Владимиром Александровичем, как со старым знакомым, располагая к себе и ненавязчиво втягивая в интимный круг постоянных клиентов:

– Что-нибудь хотите?

– Пиццу, пожалуй... И кофе, – Виноградов пробежал глазами придвинутую призму с ценниками. – Рубли берете?

– Нет проблем. И даже юани, динары и донги! По курсу... Я вас не обидел?

– Нет, пожалуй... – хмыкнул Виноградов.

– Выпьете?

– Один «Сан-Франциско». Со льдом.

– Прекрасно! Присаживайтесь – я сейчас принесу.

Владимир Александрович присел за столик в углу, лицом к выходу, аккуратно пристроив дипломат в узкий промежуток между крахмальной клетчатой скатертью и стенкой, плащ он перед этим снял и повесил на один из служащих для этой цели оленьих рогов.

Вообще-то можно было выбрать любой из шести пустовавших столов – столпотворения «У Бориса» явно не наблюдалось. Рядом с неработающим телевизором о чем-то шепталась студенческого вида пара – длинноволосый парень в свитере и коротко стриженная девушка. Друг друга и двух чашек кофе им было вполне достаточно для гармонии с окружающим миром. Еще один посетитель как раз рассчитывался с барменом, судя по количеству грязной посуды, завтрак был обилен и недешев. За самым большим столом, шестиместным, прямо под портретом Гюнтера Вальрафа³, бурно дискутировала богемного вида компания. Энтузиазм ее участников подпитывался табуном пивных бутылок, среди которых белела тонкой шеей родимая «Столичная». Виноградов прислушался...

---

³ Известный западногерманский журналист, автор сенсационных репортажей о торговле оружием, наемничестве, иммигрантах, возрождении нацизма.

– И все-таки оставаться русским вне России... На последних выборах я дал данные социологического опроса по столице...

– Да читали все! Читали! Мой редактор, старый пердун...

– Как вообще ты с ним работаешь? Скопище коммунистических фашистов! Переходи к нам...

– А платить мне кто будет? Эти голодранцы из сексуальных меньшинств?

– Проститутка!

– Сам ты... Гений чистой красоты!

– Хватит! Хватит политики... Дайте Киту закончить!

– Точно, давай, Кит!

– И все-таки...

– Заткнись! Не обращай внимания, Кит, продолжай.

Румяный парень с серьгой в ухе и в черно-белом пиджаке расцветки «зебры играют в шахматы» глотнул прямо из горлышка, перелистнул страницу блокнота и продолжал с того места, где его, очевидно, прервали:

– Итак, мы исходим из того, что нет ничего вне материи. Но марксистская «объективная реальность, данная нам в ощущение», есть ничтожно малая частица материи, как раз и называемая «материальным миром». За его пределами, то есть вне наших знаний об окружающем нас, и существует «энергия материи», влияющая на все, что происходит в нашем материальном мире.

– Бог, что ли?

– Помолчи ты!

– Так вот. «Энергия материи» наряду с «локальной энергией» являются причиной и следствием любого действия, поступка, процесса, происходящего в материальном мире.

– Ловко!

– «Локальная энергия» – это то, что отличает живое от неживого...

– Однако! – шепнул расставлявшему перед ним заказ бармену Виноградов. Он был не на шутку заинтересован. – Это что – псих? Или гений?

– Не знаю, – пожал бармен плечами. И резонно добавил: – Лет через двадцать выяснится.

Румяный продолжал:

– Допустим, «энергия материи» – или Божья воля, рок, судьба, как угодно – поместят под солнечные лучи кусок льда. Он неминуемо растает. Человек же, или любое другое живое существо, оказавшись в неблагоприятных для него условиях, может избежать их, например, уничтожив вызвавшую их причину, переместившись куда-нибудь вне досягаемости воздействия, защитившись или каким-либо иным путем...

– Банально!

– ...Итак, способность живого существа не быть безответным объектом воздействия «энергии материи» определяется количеством присущей ему «локальной энергии». Если ее много, человек практически независим ни от чего, самодостаточен. Равным образом даже малые «локальные энергии» огромных масс людей могут вызвать изменения в материальном мире, во много раз усиливая или ослабляя воздействие «энергии материи».

– Ты обещал насчет везения...

– Да, моя концепция позволяет впервые дать определения таким понятиям, как «чудо» и «везение». Первое – это резонанс обеих энергий, вызвавший явление, которое сами по себе ни та, ни другая энергия не могли вызвать в материальном мире. Ну а везение – частный случай чуда, совпадения желания с его реализацией в тех условиях материального мира, при которых реализация этого желания мало осуществима.

Виноградов с уважением посмотрел на румяного – заядлый преферансист, он цену везению знал. Тот тем временем, наслаждаясь прикованным к нему вниманием, снова приложился к пиву:

– Так вот... «Локальная энергия» ничего общего с мужеством, волей, умом не имеет. Все знают – везет «дуракам и пьяницам»... Но, главное, теперь можно определить движущие силы развития человеческого общества! – эффектная пауза была сразу же заполнена торжествующими выкриками, стекольным звоном и грохотом опрокинутого стула.

Привычный ко всему бармен не вмешивался.

– Всего их четыре. Первое – «герои», то есть люди с очень мощной и условно положительной «локальной энергией». Затем – «злодеи», то же самое, но со знаком условно «минус». Далее – массы людей, по отдельности не обладающих значительной «локальной энергией», но в совокупности являющих собой значимую «локальноэнергетическую силу»... Четвертое – это не обладающие «локальной энергией» слепые проводники «энергии материи», по-простому – дураки и пьяницы!

– Сам ты... – воспринял на свой счет последний тезис носатый толстяк в лайковом комбинезоне и попытался через стол дотянуться до оратора. Но его почти сразу же уgomонили соседи.

– Продолжаю. Каковы же практические выводы из изложенного выше? Возможно ли совершенствование материального мира? Необходимо ли оно? Разумеется, необходимо – окружающее нас далеко от идеала... Но возможно ли? Да, возможно! Мы никогда не сможем постичь процессы и закономерности, лежащие за пределами ощущаемого нами материального мира и присущие «энергии материи»...

– Точно! Неисповедимы пути Господни, – грустно согласился еще один из компании, поприличнее – в очках и без сигареты.

– ...Но «локальную энергию», присущую всем живым существам материального мира, мы можем и должны изучать. Изучать и усиливать, становясь все более независимыми! Хотя полная независимость невозможна, это верно... Словом, свобода – есть осознанное соответствие действий человека действию «энергии материи».

– Это уже было. «Живи по завету Божьему – и будешь счастлив и свободен!» – тот же оппонент всем видом показывал, что потерял интерес к происходящему.

– Ну и что? – вступилась за румяного девушка с соседнего столика. – Через науку к вере – это плохо, да?

– Нет, а практически? Смысл в чем?

– А очень просто, – ободренный поддержкой, повел клетчатыми плечами оратор. – Бей дураков и «злодеев»!

– И пьяниц... – мстительно добавил агрессивный толстяк, вновь пытаясь встать.

– Ребята! Хва-атит! Пора на воздух... – бармен в мгновение оказался у столика, непостижимым образом «выдавливая» разгулявшихся гостей из подвального. Вроде и ни руками не махал, ни ногами, и слов каких-то особенных не говорил... А через пару минут шум удалившейся компании стих за тяжелыми дубовыми дверями.

Еще не темнело, когда Виноградов подходил к своей гостинице. С недовольством привыкшего отвечать за порученное дело человека, он раздумывал о том, что день «командировки» потрачен впустую – ни в кабаке, ни на работе журналист не появлялся, добытый через адресное бюро квартирный телефон Бакониса молчал.

Он посторонился в дверях, выпуская стремительно возникшую перед ним женщину и по здоровой мужской привычке взгляд Владимира Александровича сначала ткнулся в область бюста, обтянутого сиреневым свитером: грудь была достойных пропорций и уверенно распирала полы енотовой шубы. Капитан перевел глаза выше:

– Жаннетта!

– Володя! Вот это сюрприз!

Сочный поцелуй в щеку – и Виноградова на миг окутало тонким ароматом дорогих духов:

– Ты как здесь? Надолго? Почему не звонил?

– А-а, ерунда. Виноват! – рот его непроизвольно растянулся в улыбку – Владимир Александрович действительно был рад этой нечаянной встрече...

Жаннетта была такой же, как в день их первой встречи, внешняя импульсивность странным образом уживалась в ней с чисто прибалтийской практичностью, сентиментальность – с почти мужским умом квалифицированного аналитика. Классический европейский облик – пепельная стрижка, очки, немного великолепной косметики...

Тогда, в семьдесят девятом, они оказались в числе дюжины счастливицев, выигравших всесоюзный конкурс «Мой друг – ГДР», по поводу чего капитально напились, устроив антиобщественную акцию в баре московского молодежного центра – курсант мореходки Виноградов выменял у китайского комсомольца свой форменный ремень на два значка с Мао Цзэдуном, а его новая подружка пыталась сплясать на столе немецкий народный танец «Яблочко». Спасло их только чудо и остатки чувства юмора у пивших там же парней из ЦК ВЛКСМ. Зато в призовой бесплатной поездке по Восточной Германии Жаннетта с Володей были на высоте – дисциплинированные, бдительные, активные в деле пропаганды социалистических идеалов, что и отметил по возвращении в Союз прикомандированный к группе чекист...

До восьмидесят второго они встречались довольно часто – Жаннетта училась в Университете, на математической лингвистике, параллельно грызла японскую грамматику, английский и немецкий. Володя отдыхал душой от суровых нравов своего закрытого учебного заведения в бестолковых и богемных студенческих компаниях, а она, иногородняя, любила проводить вечера в домашней атмосфере крохотной квартиры молодоженов Виноградовых. Жаннетта была тогда яркой патриоткой своей крохотной республики, что, впрочем, не мешало ей руководить курсовым комсомолом, вступить в партию и писать диплом по заказанной госбезопасностью закрытой теме – что-то там об особенностях произношения шипящих в русском языке английскими шпионами венгерского происхождения.

Потом она вернулась к себе, отказавшись от аспирантуры, и друг о друге Виноградовы и Жаннетта узнавали только из достаточно регулярной переписки и нечастых взаимных визитов. Карьере ее можно было позавидовать – некоторое время проработав на престижных должностях в республиканском Госплане, Володина приятельница была как особо ценный национальный кадр направлена на партийную работу и через несколько лет уже отвечала за милицию, суд, прокуратуру (и прочее, относившееся к административным органам) в райкоме неподалеку от столичной ратуши.

В тысяча девятьсот девяностом, руководствуясь убеждениями и логикой общественно-политического развития, Жаннетта сменила красную книжечку члена КПСС на не менее красное удостоверение сотрудника аппарата Президента Республики – хорошие профессионалы нужны всегда, а помимо организаторских способностей, безупречных предков и национальной фамилии, она владела пятью языками, включая свой родной и русский. Постепенно неумолимая сила истории уносила Виноградова все больше «вправо», перезваниваться стало дорого, терялись письма, и при редких встречах шутливая «пикировка» с трудом удерживалась на грани, за которой началась бы взаимная неприязнь...

Тем не менее Виноградов был искренне рад.

– Подожди, я тебе помаду вытру! Отойдем? Торопишься?

– Да нет...

– Так надолго ты? По делу?

– По делу... Командировка! Собирался позвонить тебе вечером.

– Ой, врешь! Ну ладно...

– Нет, честное слово! – Виноградов уже сам искренне верил тому, что говорил. Действительно, как же так – забыл напрочь... – Ты дома сегодня?

– Конечно, буду ждать теперь! Не обманешь?

– Как можно? Я тут доделаю кое-что, свяжусь со своими... Хорошо? Шампанское тут у вас продается?

– Продается... – улыбнулась Жаннетта. – Кстати, Володя!

– Да, – Виноградов, обернувшись, придержал уже готовую скрыть его дверь.

– Ты Бакониса не ищи. Его убили – в понедельник.

Нижняя половина лица Владимира Александровича еще продолжала по инерции улыбаться, но слова Жаннетты уже медленно и нехотя проникали в мозг. Капитан шагнул обратно, на узкие ступени бетонного крыльца, почти сразу же оказавшись вплотную к собеседнице.

– Да? – не придумав ничего умнее, переспросил он.

– Побеседуем? – спокойно выдерживая взгляд Виноградова, поинтересовалась Жаннетта.

Почти сразу же к тротуару, тихо шурша, подкатила белая «шестерка». Жаннетта села рядом с водителем – не оборачиваясь, уверенная, что Владимир Александрович последует за ней.

Виноградов подошел к задней двери, взялся за ручку... Разбитое недавно темя зацепало, неприятно вспоминая о той поездке, с которой, собственно, все и началось.

– Бить не будете? – поинтересовался он, постепенно возвращая себе присутствие духа. – А то есть любители...

– Не будем, – серьезно заверила Жаннетта.

Водитель предусмотрительно промолчал...

Минут через пять машина остановилась на улочке, которую скорее можно было назвать просто промежутком между двумя старинными зданиями. В высокой кирпичной стене неприятно чернела дверь без номера и вывески – Виноградов, вспомнив свой последний приезд в этот город, с удивлением узнал особняк Министерства обороны республики, но, естественно, не парадный его вход.

Спутница уверенно нажала кнопку звонка – их, очевидно, уже ждали, потому что мгновенно Жаннетта и Виноградов очутились внутри, в крохотной казенного вида комнатке перед уходящей на второй этаж лестницей. Не глядя на мелькнувшее в руке дамы удостоверение, часовой в национальной форме козырнул Жаннетте – Владимира Александровича он вообще как бы не заметил, что почему-то болезненно кольнуло самолюбие капитана милиции.

– Кофе будешь? – спросила Жаннетта, когда они, поднявшись, прошли полутемным пустынным коридором и очутились наконец в безликом и по-военному равнодушном кабинете.

– Давай... – без энтузиазма пожал плечами Виноградов. – Я разве когда отказывался?

Хозяйка сунула кипятыльник в стеклянную банку с водой и захлопотала у тумбочки. Владимир Александрович тем временем огляделся.

Полированный стол с телефоном, компьютер, сейф... Шкаф, «пищевая» тумбочка. Много цветов на подоконнике, зеркало на внутренней стороне двери... Там, где мужчина явно обошелся бы газетой – аккуратная льняная салфеточка.

– Твой кабинет?

– Ага, – ответила Жаннетта и озабоченно посмотрела в сахарницу.

– Песка мало – забыла купить. Но ты ведь несладкий пьешь?

– Как прикажете, гражданин начальник.

– Ой, брось! Я действительно теперь здесь работаю. В военной контрразведке. Как и ты – капитан.

– Однако! – не удержался Виноградов и, сразу поскучив, спросил: – Вербовать станешь?

В жизни его несколько раз вербовали и, как правило, ничем хорошим это для Владимира Александровича не заканчивалось.

– Нужен ты... Ким Филби!

– Тогда ладно. – Виноградов принял большую коричневой местной керамики кружку. Кофе был крепким и ароматным.

– Бальзама?

– Хорошо живете! Армейский паек?

– Индивидуальные запасы. Так будешь?

– С удовольствием...

После кофе перешли наконец к сути.

– Володя... Давай попробуем так: я делюсь с тобой кое-какой информацией, в определенных пределах. Если тема разговора тебе интересна, ответишь на пару вопросов... А там, может быть, что-то вместе придумаем.

– Когда прокурор говорит «садитесь», не принято отказываться!

Виноградов предпочел отделаться старой шуткой. Но Жаннетта расценила ее как согласие – и не ошиблась.

– Прекрасно. Итак... На территории республики расположено два объекта атомной энергетики – мирных, разумеется. Кроме того, есть основания полагать, что по меньшей мере в трех местах, на территории ваших военно-морских баз и воинских частей, имеются в том или ином виде ядерные боеприпасы...

– Да ну-у!

– Нет-нет, не смейся! Конечно, наши депутаты и общественность имеют доступ на российские военные объекты, пока еще не выведенные вашим президентом, но надо быть специалистом...

– Слушай! Существуют же технические средства контроля, всякие международные инспекции...

– И тем не менее. Спецслужбы НАТО, по их информации, такими сведениями не располагают, но наши агентурные данные... Да не улыбайся ты, все очень серьезно! При том бардаке, который сейчас царит в армии, а тем более – в ваших оккупационных гарнизонах... Все берут взятки, а кто не может, просто ворует: кальсоны, тушенку, бензин, пулеметы...

– И атомные бомбы! – вежливо кивнул Виноградов. Так вежливо, что собеседница сразу осеклась – в другое время и в другом месте капитан был бы не прочь почесать язык по поводу родной российской бестолковости и вороватости, но... сейчас обстановка не располагала.

– Ладно... Уже больше года мы ведем разработку по информации о хранении, хищениях и незаконной транспортировке ядерных боеприпасов из арсеналов бывшей Советской армии. Некоторое время назад свое журналистское расследование начал Андрей Баконис... Теперь его убили.

Виноградов посерьезнел – смерть человека всегда является веским аргументом. Даже в теоретическом споре.

– Вы полагаете – это связано? – осторожно поинтересовался он.

– Да. Вскрыт его персональный сейф в редакции, код знал только сам Баконис – там wygrебли все. Но вот дома перерыли квартиру и взяли только «атомную» папку и деньги, валюту по мелочи...

– Для маскировки, – понимающе кивнул Владимир Александрович. – Но насчет сейфа – как они...

– Андрея перед смертью пытали – недолго, правда... Только потом убили.

Пронзительный холод – отголосок чужой боли – окатил Виноградова и плотным клубком сгустился в груди. Он еле слышно, сквозь зубы, выругался, давая выход страху и ненависти:

– Есть шанс найти?

– Работаем. И полиция, и мы... Ну что?

Капитан понял:

– Спрашивай.

После услышанного он признал за Жаннеттой право задавать вопросы. И это было уже много.

– Ты здесь в командировке? По службе?

– В командировке. Но не по службе – как частное лицо.

– Не совсем понятно...

– Я в отпуске...

И Виноградов кратко, но достаточно подробно изложил суть произошедших с ним с позапрошлого вечера событий.

– Да-а, – поправила очки собеседница, когда он закончил. – Смотри, как интересно...

– Серьезно? – Виноградову показалось, что Жаннета употребила не совсем точный эпитет для того, что с ним произошло. Но спорить не стал.

– Вы меня в редакции «срисовали»?

– Да-а, ерунда! Дело техники, – рассеянно, думая о чем-то своем, ответила контрразведчица. – Редакция, кабак, туда-сюда... Ладно!

Жаннета встала и с видом человека, принявшего важное решение, поставила кипятить воду под кофе. Виноградов молча ждал.

– Слушай. В июле командованием одной из дислоцированных пока на нашей территории русских частей – мы называем ее обычно «вторая авиабаза» – в порядке конверсии был заключен договор с фирмой «Норд-Вест круизез» на продажу, как там написано, «приборов экологического контроля». Мы этой информацией владели – и плевать, в общем-то, не наше дело... но смутила сумма взятки, которую получил командир части – удалось ее почти случайно «отследить»...

– Вот даже как?

– Он открыл счет на свое имя. В банке в Мюнхене. А мой человек ему в этом помог.

– Неплохо!

– Так вот... Ты знаешь, как выглядят ядерные боеприпасы для стопятидесятидвухмиллиметровых гаубиц?

– Нет.

– Ошибаешься. Знаешь! Тебе его достаточно подробно описал...

– Мастер? Ни хрена себе!

Жаннета, скрипнув дверцей сейфа, выложила перед капитаном несколько соединенных канцелярской скрепкой листов. Это были ксерокопии из какого-то иностранного журнала – текст на английском, таблицы тактико-технических данных... Дважды встречались: схематический рисунок контейнера, именно такой, каким его представлял себе Виноградов, а также не слишком четкая фотография «с натуры».

– И вот еще...

Поверх бумаг лег матовый прямоугольник – Виноградов без комментариев понял, что он означает.

– Степаненко мне его не показал!

Мизансцена была почти той же – горы, железнодорожный состав, вооруженные бородачи... На этом снимке они, суетясь и мешая друг другу, запихивали в кузов грузовика нечто громоздкое, укутанное в грубую и грязную ткань. Часть чехла была порвана, и в прорехе виднелась неестественно вывернутая «лыжа» и кусок промятого светло-металлического бока.

– Так... Давай попробуем с самого начала.

– Попробуем, – покладисто согласилась Жаннета. Она аккуратно собрала все со стола, оставив только черный кожаный блокнот и ручку...

– Нет, так я не понял, ты чего хочешь-то? Если выходишь из игры – ради бога! Хозяин – барин. Но тогда уж вопросы свои засунь себе в... Получишь за трое суток – и расходимся краями!

Виноградов приехал к Мастеру прямо с поезда, за окном ещё и не начинало светлеть, поэтому заспанный, в халате «босс» поначалу лишь тяжело мотал похмельной головой и тер глаза. Надо отдать должное – несмотря на обстоятельства, ситуацией он овладел довольно быстро.

– Эй, как тебя там!

На рык Степаненко мгновенно отворилась дверь, и на пороге комнаты «нарисовался» один из охранников. Правую руку он держал под пиджаком, и опыт подсказал капитану, что пистолет там, скорее всего, не газовый.

– Иди, пожрать чего-нибудь приготовь. И второму скажи – пусть под дверью не топчется, здесь все в порядке. Понял?

Охранник молча кивнул и исчез.

– Разойтись, говоришь? – Виноградов с сомнением поморщился. – А вдруг я сразу...

– Да куда ты не пойдешь! Уймись.

– Ну? Seriously?

– Твоя беда в том, что ты профессионал. Ты просчитываешь последствия, как вы говорите, «перспективу» информации. Так ведь?

– Допустим.

– А что ты господам-чекистам принесешь в «ключике»? А? Бредовый рассказ бабы-иностранки, которая в шпионов играет?

– А те южные ребята, которые меня?... Убитый Баконис? Его снимки? И если этого полковника, начальника базы, потрясут?

– Слушай, Виноградов! Ну не пори ты... Сам знаешь – туфта это все. «Полкана» им не достать, а без него все остальное не «склеивается», один воздух. Так, по мелочи, подгадишь, конечно, это факт! Сейчас такой момент... То-то генерал, наш общий знакомый, порадует! А ты не помнишь, кстати, кто под тебя убийцев подсылал? Не он ли?

– А при чем тут это? Хотя...

– Ты же не глупый мужик, Виноградов. Давай так. Вариант первый. Рассчитались – разбежались. Без обид! Тебя когда в следующий раз убивать будут – выручу, без всяких там намеков на неблагодарность и тому подобное... Если, конечно, рядом окажемся.

– Ты, давай, на совесть не дави! А то разрыдаюсь.

– Грубо! И тем не менее... Второй вариант. Слушать будешь?

– Давай.

– Уже хорошо!

В дверь негромко постучали.

– Ну?

– Там готово все, – доложил охранник.

– Завтракать будешь? – повернулся к гостю хозяин. Виноградов отрицательно помотал головой. – Оставь на кухне! Попозже приду.

В прихожей стихло, и Степаненко продолжил:

– Так вот. Мы продолжаем сотрудничать. Я даю тебе расклад – на этот раз полный, все, что знаю. В конце оплачиваю работу согласно «контракту». Плюс премия. Ты продолжаешь искать. В первую очередь тех, кто меня «кинул», это главное. Ну и саму хреновину... Учти, она повреждена – а значит, опасна, опасна для всех вокруг! В таком виде мне ее и даром не нужно – захочешь отличиться, можешь вернуть любезному твоему сердцу государству. Прославишься, повышение получишь...

– А «уши» твои? Их как спрячешь?

– Ха! Это уж твоя забота – тебе ж самому меня «высвечивать» невыгодно, собственную задницу подставлять. Постарайся уж...

Выдерживая паузу, Виноградов взял с журнального столика раскрытый, распластаный обложкой вверх томик «Золотого тельца». Прочитал подчеркнутое:

«Культура! Что может быть проще? Джентльмен в обществе джентльменов делает свой маленький бизнес. Только не надо стрелять в люстру, это лишнее...»

– Классика.

– Да уж...

Они были партнерами. Они не верили ни единому слову друг друга, они вообще с трудом друг друга выносили – и вообще словосочетание «друг друга» подходило к ним так же, как к кошке и собаке. Но обойтись один без другого они не могли.

– Так что ты там говорил... насчет завтрака?

...Плотно закусив, за едой о деле не говорили, в основном обоюдно и едко комментировали последние телевизионные новости, Степаненко и Виноградов вернулись в гостиную.

– Итак?

– Спрашивай.

– Хм... Давай сначала. Откуда это взялось?

– Некоторое время назад наша фирма получила информацию о том, что некий представитель доблестной Советской армии... пардон – Российской! Так вот, что он ищет покупателей на некий весьма специфический товар.

– Да уж, мягко говоря, специфический: снаряд ядерный для стопятидесятидвухмиллиметровой гаубицы! Неплохо...

– Видите ли, Владимир Александрович, поскольку мы в КГБ или в вашей уважаемой «конторе» не служим, а являемся скромными бизнесменами со слабо развитым чувством патриотизма, мы к начальству не побежали докладывать. И мировую общественность на ноги не поставили. А просто решили с продавцом повстречаться, побеседовать. Согласитесь, любое коммерческое предложение стоит рассмотреть?

– Кроме незаконных.

– Ох, чья бы корова... Шучу, шучу! Короче – сделка, как вы поняли, состоялась.

– Откуда...

– Не знаю. Можно только догадываться. По последнему договору о разоружениях через авиабазу транзитом выводили из Европы ядерные боеприпасы – тактические. Потом их куда-то на Урал отправляли, для уничтожения... Но не суть! Он свое получил, мы – свое. Возникла проблема – как вывезти товар. Поначалу планировали морем – через Питер и «круизники». Даже самого бывшего полковника, начальника базы, так в Германию отправили.

– Это-то не проблема!

– Конечно. Выехал по «туристической», там остался... А вот с «бочкой» возникли сложности: генерал твой начал ерундой заниматься: «долю» потребовал... Да и вообще после истории прошлогодней с твоим стукачом! Эх, капитан, ты даже не представляешь себе, какую систему порушил, сколько людей, труда потрачено...

– Старались, – скромно кивнул Виноградов.

– А толку? Ладно... В конце концов выбрали южный вариант – поездом, через Халкарию до границы, а там человек переправку обеспечивает, ну заодно и сам...

– Слушай, Мастер, я не понял – вы что, туристическое бюро? Или клуб помощи эмиграции? Одного – на север, другого – на юг!

– А тебе что, эта Мата Хари прибалтийская не объяснила?

– Что – не объяснила?

– Ну – технологию. Технологию использования той фиговины?

– Не-ет.

– Странно... Дело в том, что пульнуть по-настоящему ядерным тактическим боеприпасом можно только, если знаешь коды – конкретные, к каждому «изделию». Если без них – или вообще в «бочку» не влезешь, или разрядишь его прямо на месте. В лучшем случае. А даже если и выстрелишь – то еще хуже, чем обычным снарядом: сгорит или сгниет потихоньку, «напачкает» радиацией... Это я упрощенно, там много всяких премудростей.

– Слава богу! Ну и?

– Так вот, половину кодов – те, которые прямо при снаряде, в специальном кармашке хранятся – бывший начальник базы с собой прихватил. Как залог собственной нужности. А вторая половина – у бывшего «офицера по несанкционированным пускам».

– Чего?

– Есть такая должность в артиллерии – от дивизии и выше. Так вот, был в Вооруженных силах России такой подполковник – Хетагуров. Он и сейчас есть – и тоже в вооруженных силах. Только не России, а Халкарской республики... Начальник штаба у генерала Гадаева. Понял?

– Понял.

– Полетишь?

– Без гарантии. Из чистого любопытства.

– Расходы, транспорт, прикрытие – мои...

– Уговорил, языкастый!

3

*И назвал Бог сушу землею,
а собрание вод назвал морями.
И увидел Бог, что это хорошо.*

Быт. 1: 10

Самолет, с трудом отлепившись от нижней кромки облаков, отчаянно вывалился из бледного полумрака. Виноградов приблизил лицо к иллюминатору и посмотрел наверх.

– Кумулус. Кумулус конгестус – кучевые мощные! – с удовольствием поведал он соседу. Латинские названия облаков и направление ветра в циклоне – вот, пожалуй, и все, что осталось в памяти от курса метеорологии Высшей мореходки.

Сидящий рядом степаненковский охранник был тих и бледен – даже с прозеленью: четвертый час лету, «болтанка» над горами... Звали его Славик, одет Славик был в кожаную куртку, рубашку с галстуком цвета «маренго» и джинсы, заправленные в грязные кроссовки. Как понял из разговора с ним перед отлетом Владимир Александрович, молодой человек был уверен, что именно таким образом должен выглядеть оператор кабельного телевидения. Виноградов разубеждать его не стал, тем более, что и сам не знал, как одеться, поэтому в конце концов выбрал плащ и старую добрую спутницу дорожную сумку.

Вообще они беспокоились зря – в аэропорту царила такая суета, неразбериха и бестолковщина, что на внешний вид двух сотрудников Коммерческого кабельного телевидения, какими по документам являлись Владимир Александрович и Славик, никто внимания не обратил. Тем более что в дополнение к великолепно, всего за час сделанным «коркам», мнимый оператор бережно прижимал к себе черный пластиковый футляр видеокамеры, а у «завотделом зарубежной информации» из кармашка сумки торчала бархатная груша студийного микрофона.

По идее, рейс был специальным – для прессы, изголодавшейся по непосредственной, самополученной информации из Халкарии, вотчины загадочного генерала Гадаева. Однако никто не удивился, включая издавших наши виды иностранных корреспондентов, когда перед самым носом представителей «четвертой власти» в салон по трапу, крича и толкая друг друга баулами, поднялись десятка полтора разнополых и разновозрастных детей гор.

– Вах! Люди домой едут, а? – осадил что-то съязвившего по этому поводу репортера питерской «Смены» представитель доблестной халкарской гражданской авиации, наблюдавший за погрузкой в багажный отсек многочисленных холодильников, стиральных машин и прочей бытовой техники. – Совесть есть, а?

Места тем не менее хватило всем...

Совсем близко, внизу, заискрилось под солнечными лучами теплое море, почти сразу же сменившееся густой зеленью прибрежных плантаций. Огромные горы, почти касаясь дрожащих белых крыльев самолета, чуть расступились, пропустив его в узкий створ ущелья: полет подходил к концу.

Пробежав по посадочной полосе положенное расстояние, машина подрулила к предназначенному ей месту. Вежливые иностранцы похлопали прошедшему по салону экипажу, наши коллеги торопливо поддержали их – и пестрая «команда» представителей прессы потянулась к выходу...

Аэропорт столицы Халкарской Республики представлял собой две параллельно вытянутые бетонные ленты взлетно-посадочных полос, дальний конец которых почти упирался в зубчатую громаду скалы. Такие же отвесные каменные стены ограничивали пространство справа и слева, оставляя совсем немного места для боковых рулёжных дорожек и бело-красных тех-

нических сооружений. Кроме «Ан-24», только что совершившего посадку, на летном поле, устало опустив лопасти, отдыхал вертолет гражданской авиации, рядом с которым зеленели камуфляжными пятнами два его боевых собрата. Поодаль, прикрытые огромной маскировочной сеткой, угадывались остроугольные силуэты современных истребителей.

– Работай, Славик, работай! – прошипел напарнику Виноградов, заметивший, что настоящие корреспонденты уже всю шелкают объективами. Только что облегченно вступивший на землю «оператор» судорожно завожился с футляром видеокамеры, но в этот момент все замерли, повинувшись громкому и сочному голосу человека, привыкшего и любящего командовать:

– Внимание! Господа! Уважаемые гости!

Говоривший, высокий мужчина с чисто выбритым лицом, был одет в безупречный серый костюм, легкие лакированные туфли и белоснежную рубашку. На галстук скромно искрилась бриллиантовая заколка. Самое странное, отметил Виноградов, что, несмотря на этот вид, он каким-то непонятным образом абсолютно гармонировал с двумя своими спутниками – грязными, заросшими щетиной автоматчиками в солдатских ватниках и кепках-«афганках», пропахших потом и порохом.

– Мы рады приветствовать вас на прекрасной земле гордого и мужественного народа Халкарии! Меня зовут Артур Гадаев, и я являюсь министром иностранных дел нашей Республики.

Затем, немного рисуясь, он повторил то же самое по-английски и по-французски. Иностранцы вновь похлопали, пару раз щелкнули фотоаппараты.

– Племянник генерала, – услышал за спиной голос кого-то из сведущих репортеров Виноградов, – был аспирантом в Дипакадемии...

– Прошу! – И представители прессы двинулись вслед за хозяевами. Под пиджаком министра иностранных дел капитан наметанным взглядом увидел плотные складки перекрещенных ремней – очевидно, ношение подмышечной кобуры не противоречило местному дипломатическому протоколу.

Миновав одноэтажный барак аэровокзала, все очутились на пыльной и основательно запыленной площади. Те, с кем они делили недавний полет – из числа местных жителей, уже разместились вместе со своим многообразным багажом в тени гипсового монумента, ожидая, очевидно, оказии, чтоб разъехаться. Памятник был кому-то в пиджаке, держащему перед собой раскрытую книгу – определить точнее было невозможно, так как на месте снесенной головы торчал коричневый металлический штырь.

Помимо милиционера в привычной советской форме и пары одетых в армейские обноски юношей с пистолетами – как понял капитан, они охраняли непосредственно административное здание, но сейчас покинули пост, чтобы поглазеть на прибывших – напротив входа красовался бронетранспортер с развороченными колесами, приспособленный под стационарную огневую точку. Вокруг него курили еще несколько бойцов, увешанных оружием. Проследив за взглядом Славика, Виноградов увидел наверху, на крыше, торчащие вверх стволы счетверенной зенитной установки, запиравшей воздушное пространство над аэропортом.

Вне зависимости от исполнения, замысел и потенциал военного обеспечения объекта были на должном уровне.

Относительно ухоженный «Икарус» принял представителей прессы в свое раскаленное нутро, заурчал и почти сразу же накренился, выписывая первый вираж на причудливом горном серпантине...

Это было великолепно! Ошалевших от духоты и тряски гостей высадили перед розовым с белыми колоннами зданием сталинской постройки. Посреди изумительного парка, журча, сеял свежие брызги хрустальный фонтан, а по выметенным песчаным дорожкам степенно вышагивали глупые павлины.

Разместившись – по двое в номере – представители прессы первым делом кинулись в душевые...

Лежа в одних трусах поверх простыней, Виноградов сквозь полуприкрытые веки разглядывал напарника. Тот только что вымылся и теперь стоял в нерешительности посреди комнаты в намотанном на бедра полотенце.

– Владимир Александрович! – наконец негромко позвал он.

– Ну? – нехотя отозвался капитан.

– А че дальше делать? Может, достать? Распаковаться?

– Не суетись. Успеем.

Виноградов понимал, что имеет в виду Славик: помимо смены белья и дорожных мелочей в «дипломате» степененковского охранника лежал не слишком новый, но надежный репортерский диктофон «Сони». Впрочем, от диктофона тут присутствовал только пластиковый, обклеенный изнутри фольгой корпус – пустующее пространство было заполнено двумя пистолетами, – боевым и газовым, аккуратно проложенными мягкой кожей кобур.

– Господа! – донеслось из висящего над шифоньером динамика. – Ровно в двенадцать часов вы будете приглашены на обед, который дает Президент Республики. После этого – пресс-конференция. Всего хорошего!

Виноградов и Славик прослушали то же самое еще на двух языках, после чего Владимир Александрович с чистым сердцем окунулся в живительный сон. Молодой напарник последовал его примеру, и в следующие полтора часа специалисты по подслушиванию, если таковые вдруг решили заняться своим грязным делом, не уловили бы ничего, кроме сочного храпа двух здоровых русских мужиков...

Столы были накрыты прямо на улице, позади розового корпуса – о нем вездесущий корреспондент «Московских вестей» сказал, что это бывшая резиденция республиканского ЦК.

Президента еще не было, и Артур, как по-свойски просил называть себя министр, вел застолье. Сложив на предусмотрительно расстеленный в сторонке ковер аппаратуру и прочее журналистское оснащение, представители прессы налегали на угощение. Предпочтение, конечно, отдавалось местной экзотике: «седло барашка», минеральная вода в запечатанных кувшинчиках из глины, всевозможная свежая зелень, которую северяне к началу зимы успевают подзабыть... Но не забывалось и традиционное – бутерброды с икрой и рыбой, крохотные таралетки, а равно и водка, привозной коньяк и пиво «Фалькон» – единственный алкогольный напиток, который позволят себе изредка употреблять сам глава традиционно исламского народа.

Роль стоящих поодаль официантов была чисто символической, каждый обслуживал себя сам – и накрытые крахмальными скатертями столы быстро пустели.

Внезапно, прервав очередной цветистый тост, глава дипломатического ведомства встрепенулся, посмотрел в сторону распахнувшейся изнутри двери. Сначала появились двое – огромного роста в черных комбинезонах и такого же цвета беретах. Их высокие шнурованные ботинки матово блестели, а чешские короткоствольные автоматы казались неестественно миниатюрными. Опасно обшарив присутствующих стволами, громилы расступились, освобождая проход.

Стремительно вышел – почти выбежал – президент, сопровождаемый еще двумя телохранителями. Все почтительно замерли.

Генерал Гадаев был, безусловно, личностью исторической. Сын репрессированного народа, он верой и правдой служил стране, занимавшей одну шестую часть земного шара. Военная мощь империи – ей были нужны храбрые, умные и честолюбивые люди. Командир танковой дивизии, с отличием закончивший курс Академии, Гадаев сочетал в себе европейское образование, болезненное самолюбие, опыт – боевой и военно-административный. Именно эти качества привели его на пост первого Президента Республики Халкария. Некоторые анали-

тики сравнивали генерала с ливийским Каддафи или панамцем Норьегой – но кто лучше самих политологов знает о шаткости и относительности аналогий? Во всяком случае, обвинения в левом фашизме, авантюризме и криминогенности самого Гадаева, казалось, не трогали...

Виноградов с любопытством разглядывал недавнего российского комдива: тучный, уса-
тый, с загорелым породистым лицом и коротким ежиком черных волос. Полевые генеральские
погоны на аккуратном спецназовском «камуфляже», парадная фуражка танкиста.

– Здравствуйте! – поприветствовал он собравшихся. Затем по местному обычаю пожал
обе руки, протянутые племянником. Целоваться не стал. – Здравствуй!

Затем, любезно давая возможность корреспондентам расхватать орудия своего труда, он
отошел к столу и собственноручно наполнил высокий бокал пивом.

– Готовы? – дружелюбно улыбнулся он.

Ответом был нестройный положительный гомон пишущих, щелчки и жужжание аппара-
туры.

– Тогда начнем... Друзья! Я неслучайно обращаюсь так к вам, к тем, кто прибыл сюда в
нелегкий для моего народа период. Слишком много разнообразной лжи, недомолвок...

Владимир Александрович повертел головой, отыскивая Славика – пусть хоть для вида
поснимает, да и вообще... И чуть было не охнул! Его молодой напарник, по неопытности и
жадности рьяно набросившийся на дармовую выпивку, теперь окончательно «потерял лицо».
Он зажал в углу между столами лысого немца с серьгой в ухе и пытался что-то втолковать с
тупой настойчивостью пьяного рэкетира. До слуха уже доносилось: «...ему как с левой дал!
И она без бабок...» Уже подтягивались к ним Артур и один из охранников, уже совсем чуть-
чуть оставалось до скандала...

Милицейские рефлексy Виноградова оказались сильнее. Мгновение спустя он уже
бережно закидывал себе на плечo обмякшую руку «коллеги», одновременно заискивающе улы-
баясь племяннику генерала:

– Извините, ради бога! Такой стол, такое угощение – сказка! Молодой – не знает еще
кавказского гостеприимства, ай-ай!

С помощью официантов Славика удалось оттранспортировать в номер и уложить, пору-
чив заботам дюжих коридорных. Когда Владимир Александрович вернулся, речь Президента
уже подходила к концу:

– ...Ну а конкретные аспекты военной ситуации в Республике осветит начальник штаба
наших вооруженных сил – ему и карты в руки. С ним же согласуете маршруты поездок, рас-
порядок пребывания...

– А что – везде можно будет ездить? Снимать, беседовать – без ограничений? – недовер-
чиво прищурился «сменовсц».

– Везде.

– А вдруг мы шпионы?

– А мы не боимся шпионов. Нам скрывать нечего. Только диверсантов не любим: мы их
расстреливаем, – разъяснил улыбочиво президент. – На месте.

– Понятно... И еще вопрос...

– Достаточно! К сожалению – дела. Поступим следующим образом: в последний день,
когда вы, друзья, наберетесь впечатлений, когда у вас многие вопросы отпадут сами собой, а
новые, скорее всего, возникнут, – мы еще раз встретимся и поговорим. Хорошо? Всего доб-
рого!

И генерал исчез – молниеносно, но с достоинством...

– Прошу вас! Сейчас пройдем в кинозал, там ждут, а потом чай, сладости... – гостепри-
имно засуетился Артур.

Прохладный полумрак кинозала настраивал на неспешную, обстоятельную работу. Перед рядами бархатных кресел, прямо на сцене, возвышался письменный стол, частично занятый водруженным на него иностранным телевизором. Свободное пространство стола занял разложенными бумагами сидящий лицом к залу невысокий сухошавый мужчина в очках, лет пятидесяти с небольшим – явно русский, с лицом усталым и обветренным. Орденские планки на обычной, повседневной полковничьей форме внушали уважение, но удивление вызвали медицинские эмблемы в петлицах.

За его спиной, почти во весь экран, висела географическая карта региона. Виноградов отметил ее бесспорно «доперестроечное» происхождение – выделенные красным административные границы обозначали еще единую Вардино-Халкарскую Автономную ССР в составе Российской Федерации...

– Это кто – Хетагуров? – поинтересовался Владимир Александрович у соседа.

– Да то-то и оно, что не он, – озабоченно почесал за ухом коллега из «Московских новостей». – Это, как я понимаю, Федотов Александр Иванович. Был здесь начальником медслужбы.

– Старый знакомый! – перегнулся к ним с заднего сиденья «сменовец». – Я его по Афгану помню – «команда Варенникова»!

– Тише, товарищи! Тише... Приступим, – тот, о ком они говорили, аккуратно, не повышая голоса, овладел вниманием аудитории. Сказывался многолетний опыт преподавательской работы.

– Мне поручено обрисовать вам военную обстановку в Халкарии и регионе. С учетом этой информации вы выберете наиболее желательные для посещения районы и населенные пункты, после чего будут согласованы маршруты и график движения групп. Ограничения могут быть вызваны только одним – заботой о вашей безопасности.

– Итак, – полковник встал и указкой очертил на карте неправильную окружность. – Республика Халкария расположена на части бывшей территории Вардино-Халкарской АССР. На севере и северо-востоке республика граничит с так называемой Вардинской Исламской Республикой, юридически не признанной, кстати, даже терпимой ко всему Россией. В августе вардинцы попытались вооруженной силой отторгнуть исконно принадлежащие нам Большой перевал и Верхнее водохранилище (*соответствующие движения указкой*). В настоящее время вся выделенная штриховкой зона является районом боевых действий, наибольшая активность наших разведывательно-диверсионных групп и банд-формирований противника отмечаются здесь... здесь... и здесь. Позже вы получите фото- и видеоматериалы о зверствах засылаемых на нашу территорию головорезов.

Далее. На востоке, юго-востоке и юге Халкария соседствует с Пакистаном – здесь и ранее проходила граница бывшего СССР. Российских пограничников некоторое время назад вывели, и теперь режим мы осуществляем своими силами. Территориальных споров у республики с южными соседями нет, но граница есть граница, тем более, что приходится охранять железнодорожную магистраль и нефтепровод. Обстановка осложняется еще одним фактором... Но об этом чуть позже...

Полковник переместил указку:

– Небольшой участок на северо-западе – это граница с Российской Федерацией, к моему глубокому сожалению, закрытая после досадных недоразумений прошлого лета. Остальное – море...

– А где бывший начальник штаба? И что там такое – в Южной Халкарии? – не выдержав, перебил его москвич.

– Если вы будете так добры, что позволите мне закончить, многие вопросы отпадут сами собой. Поверьте, – почти слово в слово процитировал своего Президента Федотов. – Могу продолжать?

Аудитория одобительно шумела.

– Халкария слишком мала, чтобы позволить себе роскошь внутреннего сепаратизма. Однако немногим более двух недель назад органами безопасности республики разоблачена очередная группа заговорщиков. Эти люди, опираясь на несколько семейных кланов, проживающих в районах, прилегающих к бывшей советской границе, намеревались провозгласить Независимую Южную Халкарию, спровоцировать вооруженное вмешательство извне, физически устранить Президента и его окружение... Планировалось заблокировать дорогу, перекрыть трубопровод, а в критической ситуации – не остановиться и перед применением тактического ядерного оружия!

– Ого! А может быть, лазерные пушки?

– Это вы не слишком хватили, полковник?

– Вы отвечаете за информацию?

– Какие-нибудь доказательства есть?

Переждав волну скептических и иронических выкриков, начальник штаба продолжал:

– Рейдовой группой специального назначения на основании агентурной информации был перехвачен груз, предназначавшийся одному из лидеров заговорщиков – брату моего предшественника, уроженцу южной части Халкарии. Состав, в который входил вагон, арендованный некой российско-германской фирмой, удалось остановить всего в получасе от станции Крайней, конечной точки назначения. Не удалось, к сожалению, обойтись без жертв...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.